

Татяна Абалова

Подработка

на

ТОМ СВЕТЕ

Татьяна Абалова

Подработка на том свете

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69322219

SelfPub; 2023

Аннотация

Давая объявление «Ищу подработку с проживанием», будь готова к тому, что тебя пригласят на должность администратора в милой и тихой гостинице с кладбищем на заднем дворе. Но не отчаивайся, даже в таком уютом местечке кипит жизнь. Здесь тебе предложат руку и сердце. А может, ногу и череп, смотря как себя покажешь. Правда, следует учесть, что бороться за тебя будут сразу трое великолепных мужчин, и только от тебя зависит, где ты окажешься, когда срок контракта истечёт. Предупреждение от автора: Для чтения моих романов необходимо запастись валерьянкой, каской, парашютом и лопатой. Головокружительный сюжет и счастливый финал гарантированы.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	16
Глава 3	30
Глава 4	43
Глава 5	56
Глава 6	70
Глава 7	84
Глава 8	98
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Татьяна Абалова

Подработка на том свете

Глава 1

Ветер перемен сшиб меня с ног сильнейшим порывом: квартиру, которую я снимала, попросили освободить, поскольку хозяйка надумала устроить ремонт, стипендия не скоро, а кафе, где я подрабатывала, закрылось. Безденежье обрекло меня на бег с высунутым языком, чтобы найти подработку с проживанием. Светлана Сергеевна обещала уложиться с косметическим «ремонтником» в месяц, но я чуяла, придется перебиваться на чужбине дольше. Квартиру терять не хотелось, она была в пешей доступности от университета, поэтому я прилагала все усилия, чтобы сохранить ее за собой. Тем более мы почти сроднились с милой старушкой.

– Марго, ну чего ты? – трясла голубыми кудельками бывшая балерина. – Четыре недели пролетят быстро, и мы снова заживем дружно и ладно. Я бы пригласила тебя к своей приятельнице, но у нее семь кошек, а у тебя на их шерсть...

– Аллергия, – закончила я фразу. Несмотря на свой возраст, одевалась хозяйка ярко, даже кричаще, за что злые языки прозвали ее Светкой-Семафором. Но я любила женщину за теплоту, отзывчивость и веру в добро. Про себя я ласково

называла ее Светиком-Семицветиком.

Я могла бы поехать к себе домой, но кто захочет провести каникулы в деревне, где живет всего с полсотни жителей, причем большинство из поколения, помнящего прелести социалистического строя. Собирая сразу после школы чемодан, я поклялась себе, что никогда туда не вернусь. Отец лично благословил меня, перекрестив наполненной до краев рюмкой. Его сожительница помахала вслед маминой шляпой. Такого я не выдержала, вернулась и вырвала из ее рук вещь, которой никто чужой не должен был касаться. Шляпа и платье из зеленого бархата – осколки нашего благополучного прошлого. Однажды мама ушла на работу и не вернулась. Папа запил, и вскоре нам пришлось перебраться из города в бабушкин дряхлеющий дом.

Грустные мысли о семье делали меня злее, и каждую неудачу на собеседовании я принимала как вызов судьбы. Я справлюсь, я смогу! Но шли дни, а работа с непременно проживанием все никак не находилась. Кого-то из работодателей не устраивало, что подработка требуется временно – с началом учебы я не смогла бы отдаваться ей полностью, кто-то, оглядев меня ревнивым взором, не захотел брать в дом «молодую и слишком привлекательную уборщицу» – здесь я не шучу, дамой около пятидесяти так и было мне заявлено, а кто-то, оберегая дитя, которое быстро привыкает к нянькам и трудно с ними расстается, не захотел лишний раз его травмировать.

Я находилась на грани отчаяния и готова была согласиться на временный постой в квартире с семьёю кошками, как произошло событие, полностью поменявшее мою жизнь. Правда, в тот момент, когда я увидела топчущуюся на пороге подъезда Светлану Сергеевну, ничто не предвещало настолько крутых перемен.

Увидев меня, старушка рванула навстречу. Легкий шаг и прямая спина, которой позавидуют любой человек, чей возраст перевалил за семьдесят, делали ее, одетую в летящие ткани, похожей на лесную нимфу на пенсии.

– Наконец-то, – она помахала белым конвертом, – я уж думала ты не вернешься!

– Куда я без своего чемодана? – буркнула я, не понимая, что заставило старшую подругу спуститься с пятого этажа.

– Тебе принесли приглашение на работу! С проживанием!

Распечатанный конверт дрожал в пальцах, обтянутых кружевом перчаток. Хорошее известие смело недовольство от бестактности, допущенной квартирной хозяйкой. Совать нос в чужие письма непростительное занятие для заявленной интеллигентности.

– Можно я сама тебе зачитаю? Ну пожалуйста? Уж больно все ладно складывается, – от нетерпения ее голосок дрожал.

Я кивнула. Меня тоже потряхивало от предвкушения, что же могло так возбудить хозяйку. Она кашлянула, поправила очки и начала:

«Уважаемая Маргарита Павловна! Ваш адрес мы взяли

в одном из бюро, куда вы обращались в поисках работы. Там же мы ознакомились с оставленным вами резюме. Ваша кандидатура нас полностью удовлетворяет. Предлагаем вам должность и.о. администратора небольшой загородной гостиницы. Единственное условие, которому вы должны следовать – контракт нельзя разрывать раньше оговоренного срока. Если вы согласны, найдите в конверте карточку с нашим адресом. Просим вас прибыть в гостиницу завтра ровно в восемь часов утра».

Я выдернула из пальцев Светланы Сергеевны конверт и заглянула в него, но никакой карточки не обнаружила.

– Понимаешь ли, милая, – Светик–Семицветик прятала глаза, – я взяла на себя дерзость полюбопытствовать, кто тебе пишет, но нечаянно выронила карточку. У нее оказались до того острые края, что, поднимая ее с пола, я порезалась.

Она сняла перчатку и продемонстрировала ранку на пальце.

Из кармана появилась завернутая в платочек карточка. Влажная, со следами крови.

– Я пыталась ее отмыть, – голос у старушки дрожал.

Теперь мне было понятно, что толкнуло пожилую женщину кинуться меня встречать – чувство вины. Ее любопытство, благодаря пятнам крови, сделалось явным. В противном случае, она преспокойно запечатала бы конверт и сделала вид, что понятия не имеет, кто и зачем мне пишет.

Я повертела бумажный квадратик, чтобы разобрать назва-

ние гостиницы. От всего адреса осталось лишь название улицы и номер автобуса, который меня привезет на нее. На конверте штампы и данные отправителя отсутствовали. Создавалось впечатление, что письмо сунули в почтовый ящик, обходясь без услуг Почты России.

– Будем надеяться, что на Фонарной всего одна гостиница, да? – Светлана Сергеевна заискивающе посмотрела мне в глаза. – Тут, милая, что-то еще было написано на обратной стороне, но я не разобрала, слишком мелко, а после воды буквы сделались нечитаемыми. Кто же думал, что у приличной на первый взгляд гостиницы такие дерьмовые карточки!

Старушка обиженно поджала губы. Применение ругательств указывало на высшую степень расстройства. Я обняла ее.

– Как-нибудь выкрутимся, да? – мягко произнесла я. – Нам ли не уметь вертеться?

– Да, – просияла хозяйка и сделав шаг в сторону, показала изящный поворот. Балерина умрет в ней в последнюю очередь. Сплетницы, сидящие на лавочке, осуждающе покачали головами. Но какое нам дело до них? Мы, красавицы, живем в своем мире, полном красок. Обняв Светлану Сергеевну за плечи, я повела ее домой пить чай с купленными в ларьке маковыми булочками.

Утром, облаченная в зеленое бархатное платье, с чемоданом в одной руке и маминой шляпой в другой, я стояла на остановке. Вчера я пыталась понять, как далеко находит-

ся Фонарная улица, чтобы рассчитать время, но автобусный маршрут № 13 четко прослеживался лишь в черте города, а дальше тонул в зелени леса. Пятно без единого строения занимало настолько большое место, что я решилась положить-ся на водителя. Жалко, что на карточке не нашлось номера телефона – его, скорее всего, «смыла» моя квартирная хозяйка. Распрощались мы с ней тепло.

– Я позвоню, как только закончится ремонт, – пообещала Светлана Сергеевна, опускаясь на мой старомодный чемодан «посидеть на дорожку».

– Даже если не будет звонка, я явлюсь тридцать первого августа, – пригрозила я, целуя ее в надушенную щечку. Хоть и в бигуди на голубых волосах, но глазки уже подведены, помада на губах. Светлана желала предстать перед подругой и ее семью кошками в наилучшем виде. – Учтите, буду скулить на пороге, пока мне не откроют.

– Я всегда тебе открою, милая. Ну-с, легкого пути!

Тринадцатый автобус оказался разбитым и дребезжащим. Несмотря на час пик, подкатил пустым. И я же была единственным его пассажиром на всем пути следования, хотя водитель – пожилой дядька с пышными усами, с педантичностью работа выполнял свою работу и останавливался на каждой остановке. Когда мы проехали в незнакомую часть города, я вовсе перестала ориентироваться.

– Не подскажите, где на Фонарной улице гостиница? Мне туда надо, – держась за поручни, поскольку автобус дергало

и мотало из стороны в сторону, я подобралась к водителю. Чемодан и шляпу оставила на своем сиденье. Последняя, не выдержав тряски, скатилась на пол и допрыгала к моим ногам. Пришлось нахлобучить ее на голову.

– Раз надо, найдешь, – бросил водитель, сосредоточенный на дороге. Невольно я обратила внимание на костяшки его пальцев, сжимающих руль – они побелели от напряжения. Еще бы, вести такую колымагу, на которой легко отправиться на тот свет, нелегко. Я не стала отвлекать шофера, вернулась на свое место и замерла, обнявшись с чемоданом.

Дорога показалась бесконечно долгой. Я с беспокойством в очередной раз заглянула в мобильник. 7:46. Как бы не опоздать.

Тормозя, автобус дернулся так, что меня снесло на сиденье напротив.

– Фонарная! – объявил водитель и недовольно шевельнул усом. Я вывалилась из дверей с чемоданом под мышкой и криво сидящей шляпой. Обдав меня на прощание доброй порцией отработанного газа, автомобиль покатил дальше. А я замерла с открытым ртом. Я стояла на небольшом пяточке утопанной земли рядом с единственным фонарным столбом посреди густого леса.

– Ау... люди? – просипела я, озираясь на темные деревья-великаны. От страха перехватило горло. – Куда идти-то?

То, что в городе называлось ранним утром, здесь, в лесу, носило признаки предрассветной ночи. Серое небо, серые

деревья и пугающая тишина. Я вздрогнула, когда над головой что-то зазвенело. Резко обернувшись, поняла, что загорелся единственный фонарь на всей Фонарной улице. Признаки цивилизации несколько успокоили.

Поставив чемодан на землю и наскоро отряхнув платье, испачкавшееся после падения в автобусе, я огляделась. Нужно быть круглым дураком, чтобы не понять, что фонарь зажгли специально для меня: от него тянулись провода, уходящие в прогалину между соснами. Поправив шляпу и подхватив туго набитый багаж, я поспешила в указанную сторону, иначе рисковала опоздать: часы на телефоне пугали, что до встречи с работодателем осталось всего семь минут. Беги, Марго, беги!

Ступив в лес, я засомневалась, не заблужусь ли, но загорелся следующий фонарь, потом еще один и еще. Я шла все увереннее, хотя и озиралась при малейшем шорохе. Лес расступился внезапно, и я оказалась на окраине пустыря, на котором замер огромный дом, слабо похожий здание современной гостиницы. Неудивительно, что его визитная карточка не подверглась ламинации – достижению двадцать первого века, и текст легко смылся водой. От здания пахло ушедшими временами. Мрачное, странной архитектуры, с двумя нелепыми надстройками на крыше, отчего оно казалось рогатым зверем, затаившемся перед прыжком. Несколько горящих окон на верхних этажах дополняли сюрреалистичную картину – зверь зорко наблюдал за мной. В довершение все-

го над ним, каркая, кружилась стая ворон.

– Божечки, куда меня занесло? – прошептала я, не понимая, отчего вдруг сделалось темно: день за пределами леса всюду разгорался, а тут я словно попала в иное измерение. Я вздрогнула, когда над холмами, что выгнули спины за странным домом, пророкотал гром. Надвигалась гроза. Молния прошла небо, добавляя дому зловещего вида. Первые крупные капли заставили бежать. Не назад к остановке, как мне того хотелось бы, а к дому: фонари погасли, и я ни за что не выбралась бы из темного леса. Из двух зол я выбрала меньшее. Все-таки меня там ждали работа и кров, а все мои сомнения – ничто иное как плод разбушевавшейся фантазии.

Стремительный бег не помог уберечься от ливня. За шнур старинного звонка я дергала вся вымокшая. Прекрасно! Перед нанимателем я предстану в наилучшем виде. Поля шляпы поникли и пришлось поправлять их, чтобы хоть что-то видеть. В туфлях хлюпало, а подол отяжелевшего платья неприятно лип к икрам. С беспокойством взглянув на часы, я не удержалась от вскрика. Они так и показывали 7:53, словно я не потратила и минуты на то, чтобы добраться от остановки до гостиницы. Мистика.

Дверь долго не открывали, поэтому я задрала голову, чтобы посмотреть, не зажглись ли еще окна, но нет. Свет по-прежнему горел только на верхних этажах. Зато я обнаружила вывеску с названием гостиницы, отчего у меня мелко задрожали коленки.

«Последний приют». Нормально.

– Иду-иду! – послышался ломкий женский голос, и я различила шарканье небыстрых ног.

Открыла мне дверь крепенькая старушка – из тех, у кого даже в преклонном возрасте сохранились румяные щечки.

– О, такая молоденькая? – отчего-то удивилась она. – Как же жаль, что так безвременно...

– Извините, я немного опоздала, – после некоторой заминки нашлась я с ответом, посчитав, что пожилая леди упрекает меня за непунктуальность. Старости свойственно путать слова и определения – эту истину я уяснила, живя со Светланой Сергеевной. Я быстро взглянула на зажатый в руке мобильник. На мониторе горели все те же 7:53, что несколько меня озадачило. Краем глаза отметила, что антенны тоже нет, что побуждало перезагрузить телефон. Не может такого быть, чтобы в нескольких километрах от города не было сотовой связи.

– Прости, я приняла тебя за другого, – старушка широко улыбнулась, отчего пухлые щечки почти закрыли глаза. Все страхи меня тут же отпустили.

– Я по поводу временной работы с проживанием.

– Так выходит, ты новый администратор? – всплеснула руками женщина. – Проходи, милая.

– Да. Я та самая Маргарита Павловна. Вы прислали мне письмо.

– А меня зови просто тетя Лида, – она отступила в сто-

рону, приглашая в коридор, помпезно устланный красной ковровой дорожкой. Уютно горели настенные светильники. У входа стояла корзина с зонтами. Старушка, заметив, насколько я вымокла, покачала головой.

– Наверное, для начала следует отвести тебя в комнату, чтобы ты переоделась, – ее взгляд опустился к моим ногам – на полу уже натекла приличная лужа. – Болеть нельзя. Особенно у нас.

– Почему особенно у вас? – насторожилась я. В связи с «Последним приютом» в любой фразе виделось нечто фатальное.

– Работы много. Некогда лежать, – старушка поманила рукой и поспешила вперед. Такой ответ меня вполне устраивал. Надо же, придумали название. Чуть ли не последний путь. И место такое для гостиницы тихое, уединенное. Не удивлюсь, если на заднем дворе найдется небольшое кладбище.

Короткий коридор вывел нас в просторное помещение, где с одной стороны высилась административная стойка, а с другой группками стояли диваны с креслами и столиками с разбросанными по ним журналами. Все вокруг было дорого-богато и старомодно: хрустальные люстры и светильники, колонны и резные декоративные детали, шелк обивок. Сами стены тоже были затянуты тканью в мелкий цветочек. По периметру холла я нашла несколько дверей, в дальнем углу виднелась деревянная лестница, ведущая на верхние этажи.

Но вот что меня больше всего расстроило – здесь совсем не было окон. Проводить весь день в помещении, которое не видит солнца, будет тяжело. Хорошо было бы, если бы Светик-Семицветик уложилась с ремонтом в месяц.

Поставив чемодан у одного из столиков, я удивилась, разглядев обложку журнала в стиле шестидесятых – похожие хранились на бабушкином чердаке.

– У нас постояльцы разных лет, – проследив за моим взглядом, пояснила старушка. – Кто-то даже помнит Наполеона.

– Хорошая шутка, – оценила я, заметив смешинки в глазах Лидии. – Надеюсь, что сам Наполеон здесь не обитает. Для королевских особ должно быть особое заведение. Простите за тавтологию, – поспешно оправдалась я.

– Как знать, как знать? – пропела старушка, и ее глаза опять спрятались за щечками.

Я же поежилась. И мебель, и стойка вполне могли относиться к временам последнего французского короля. Как я сразу этого не заметила?

Глава 2

Прежде всего меня интересовало рабочее место, поэтому, несмотря на то, что Лидия тянула «промокшую девицу» к лестнице, я заглянула за дугообразную тумбу, что отделяла администратора от постояльцев. Как и следовало ожидать, там не обнаружилось компьютера. На столе лежала огромная книга, рядом стояла чернильница. Я поискала глазами гусиное перо, ведь именно таким писали в средневековые времена. Но нашла обыкновенную, времен Советского Союза, деревянную ручку с металлическим вставным наконечником. Таким прибором пользовалась еще моя бабушка. Перьевая ручка, конечно, диссонировала с помпезной чернильницей, выполненной в виде сидящего на задних лапах льва. Чтобы добраться до чернил, ему откинули голову, и теперь он обиженно смотрел на меня, точно это я была виновата в издевательствах над гордым зверем.

– Вы регистрируете посетителей по старинке? – спросила я, указывая на гроссбух.

– Они сами оставляют свой след, – туманно ответила старушка, прислушиваясь к шагам на лестнице. – Твое дело, милочка, убедиться, что они записали себя верно. Всякие мошенники встречаются, знаешь ли.

– Каким образом я узнаю, что они не лгут? Навряд ли я увижу здесь кого-то из знакомых. Они предъявляют пас-

порт?

– Тебе достаточно будет посмотреть на их запись через лупу, – отмахнулась от меня Лидия. Я не вздумала настаивать на более определенном ответе, решив, что всему свое время: шаги на лестнице звучали все громче. Приблизился явно кто-то большой, и точно не женщина. Не знаю почему, но я задержала дыхание.

– Вах! – произнесла я на манер нашего вечно возбужденного соседа-армянина, когда лестница явила нечто ошеломительное. Если бы можно было представить Минотавра в человеческом облики, то именно таким он и был бы. Крупная голова, крепкая шея, гора мускулов и длинные ярко рыжие, вьющиеся мелким бесом волосы, небрежно собранные на затылке в хвост. Пряди разной длины вырывались из «прически» и интересно обрамляли мужественное лицо. Загорелое, из-за чего на фоне бронзовой кожи глаза, от природы светло-голубые, казались вовсе бесцветными. Зрелище одновременно волнующее и пугающее.

– А, Ви, хорошо, что ты спустился, – обрадовалась старушка. – У Маргариты Павловны тяжелый багаж. Мне не хотелось бы, чтобы такая хрупкая девушка тащила его на закорках.

Ви вскинул брови. В его глазах мелькнуло сожаление.

– Такая молодая и уже...

– Не выдумывай, – Лидия шутливо ударила его по загорелому предплечью. Закатанный рукав косухи оголял руку, и

я едва удержалась, чтобы не потрогать литые мышцы. Казалось, что над ними поработал великий скульптор. – Маргарита Павловна у нас на временной подработке. Ты же знаешь, я сегодня же должна покинуть «Последний приют». Муж уже заждался.

– Нам будет вас не хватать, честное слово, – великан приобнял тетюшку Лидию. – Я думал, у нас с вами еще есть время. Я бы точно отбил вас у вашего мужа.

– Негодник, – старушка потрепала мужчину за щеку. Для этого ей пришлось встать на цыпочки. – Тебе не хватило десяти лет, чтобы соблазнить меня? Плохо старался. Ты бы лучше побрился. Зарос будто медведь. Колешься.

Щетина, усы и брови были на тон темнее, чем волосы, и делали мужчину эдаким бунтарем, который привык к ветру, пыли дорог, ревущему мотору и хорошей компании у костра. Под косухой виднелись расстегнутая рубашка и майка, на шее болтался кожаный шнурок с какой-то подвеской, длинные ноги ладно обтягивали потертые джинсы. Образ Ви завершали грубые ботинки, широкие кожаные браслеты и серебряные перстни на сильных пальцах. И все это никак не вязалось с изящной мебелью и шелком панелей.

Признаюсь, явление Ви меня успокоило гораздо больше, чем все заверения милой старушки. Я уж на самом деле решила, что мне следует ждать венценосного короля, промышляющего по спальням юных дев в поисках крови. Чего только не нарисует разыгравшаяся фантазия. Хотя изнутри дом

и выглядел утонченно, я помнила, что снаружи он дикий за-
таившийся зверь. Байкер же делал гостиницу приземленной,
реальной и даже безопасной. От него исходили уверенность
и спокойствие, и потому, как он добродушно подшучивал
над тетушкой Лидией, делалось очевидным, что Ви никого
не оставит в беде.

Пока я рассуждала сама с собой, не заметила, что тетушка
и байкер уставились на меня. У старушки пылали щечки, а
у бунтаря в усмешке кривились губы.

– Что? Хорош? – спросил он, понимая, что отрицательно-
го ответа не последует.

– Хорош, – подтвердила я. – Не придется самой тащить
чемодан.

– Я еще могу помочь платью стянуть. Знаю, как тяжело
снимаются промокшие вещи.

– Не сегодня, – ответила я и, развернувшись на каблуках,
пошла к лестнице.

– Ну как хочешь, – Ви легко подхватил чемодан. – Я всегда
здесь. Если что, зови на помощь.

– Бесстыдники, – хихикнула старушка.

– Видите, тетушка Лидия, я ей нравлюсь. А вы все твер-
дите «побрейся». Современные девушки знают толк в горя-
чих парнях.

– Мой муж тоже когда-то был горячим. Чересчур горячим.
Да и на старости лет не остыл. Оттого и прожил последние
годы с молодой. Она его и угробила.

Я, поднявшись на первую ступень, остановилась.

– Муж вас бросил? И вы его простили? Будете теперь ухаживать за ним, немощным и больным?

– Я ждала этого дня десять лет, – Лидия блеснула стеклами очков. – Поэтому, милочка, поторопись. Мне некогда прохлаждаться.

– Любовь не убить, – философски заявил Ви. – Если она настоящая. И старый козел, наконец, понял это.

Старушка поджала губы и поторопилась обогнать меня.

– Зачем ты так? – прошептала я, оборачиваясь на байкера.

– Знала бы, на что она согласилась, лишь бы быть с ним рядом, – так же понизил голос наклонившийся ко мне мужчина. Его дыхание обожгло кожу у уха. Я передернула плечами и поспешила следом за рассерженной старушкой.

– Милочка, не отвлекайся, совсем не время шептаться с молодым человеком, – Лидия придерживала руками подол платья – старомодного, бесформенного, с белым отложным воротничком. На распухших ногах нечто вроде укороченных валенок, мягких и теплых.

Я сравнила ее со Светиком-Семицветиком, недалеко ушедшей от Лидии по возрасту. Насколько же в бывшей балерине, прожившей век в одиночестве, оказалось больше жизни и задора, чем в обманутой жене, дождавшейся раскаяния мужа! Невольно задумаешься, а нужны ли они, мужчины, вообще? И как можно сохранить любовь, когда тебя выкидывают, словно старую галошу, и идут к той, что бойко

цокает каблучками? Я бы ни за что не подпустила к себе предателя. Интересно, чем поступилась Лидия, чтобы не только простить изменщика, но и стремиться остаться рядом с ним?

– Обрати внимание, перед нами комнаты второго этажа, – Лидия остановилась на лестничной площадке, с которой начинался бесконечный коридор.

Удивительно, но снаружи здание не выглядело таким огромным. Возможно, меня ввел в заблуждение не слишком широкий фасад. По обе стороны от ковровой дорожки шли двери с прикрепленными к ним цифрами.

– Обитатели этих номеров освобождают помещение в течение недели-двух, – продолжала поучать моя наставница. – Если же постояльцам случается задержаться, то их переводят на этаж выше. Третий как раз предназначен для тех, кто остается в гостинице надолго. Там же находится твоя комната.

– Но я здесь ненадолго, – поспешила возразить я. – У меня временная подработка, вы не забыли?

– Нет, не забыла, милочка, – старушка вскинула подбородок. – Номер 2 всегда занимает администратор. И ради тебя никто не будет менять привычное положение дел.

Тетушка Лидия вновь двинулась вверх по лестнице.

– Не переживай, тебе понравится. У нас хорошие соседи, – мне опять дышали в ухо. В этот раз я передернула плечами намеренно, чтобы показать Ви, что мне не нравится настолько тесное общение.

Третий этаж удивил непропорционально коротким коридором. Всего-то на десять номеров.

– Я в этом живу, – кивнул на дверь с цифрой 1 байкер. – Если что случится, знай, постучаться ко мне можно в любое время суток.

– А что может случиться? – я с подозрением обернулась на него.

– Ви, пожалуйста, не морочь девушке голову, – строго произнесла старушка, нажимая на ручку моей двери. – Мне сейчас совсем не до ваших словесных перепалок.

Комната оказалась стандартной. Все, как в любой гостинице – кровать с прикроватной тумбой, письменный стол, внутренний телефон (опять-таки старинный, с торчащей на рожках трубке), шкаф и отдельная ванная комната с унитазом. Все чисто, опрятно, но безлико. Как в такой неудобной комнате можно прожить долгие десять лет? Или Лидия собрала все милые сердцу вещицы и безделушки, чтобы унести их с собой?

– Холодильника нет? – я не хотела давать оценку помещению, поэтому отвлекла Лидию и замершего у порога Ви насущным вопросом.

– Милочка, зачем тебе холодильник? Тебя будут кормить в ресторане. Ты находишься на полном обеспечении. И чем бы ты могла его наполнить?

– Напитками, например, или мороженым, – не сдавалась я. – Или чем-нибудь, что купила бы в магазине.

– Здесь нет магазинов, а мороженое и все прочее ты сможешь получить у нашего бармена на первом этаже. Только попроси, – в голосе старушки слышалось раздражение. Она торопилась, а я отвлекала ее по пустякам. – Жду тебя в холле. Спускайся сразу же, как только переоденешься.

Она уступила дорогу байкеру, который поставил чемодан на специальную подставку у шкафа.

– Хорошо, спасибо, я скоро, – пролепетала я, отступая вглубь комнаты. Стоило Ви войти в помещение, как оно показалось мне до невозможности крохотным.

– У меня кровать гораздо шире, – оценил он обстановку. – И окно выходит на лес, а не на...

я видела, как тетушка Лидия пнула здоровяка, и как тот моментально прикусил язык.

– Вид на холмы ничуть не хуже, – произнесла она, выталкивая байкера за дверь. – Потом, милочка, полюбишься. Сейчас поторопись переодеться. Мне еще нужно успеть передать тебе дела.

– А когда я увижу хозяина гостиницы? – я кинула шляпу на стол – той тоже не мешало просохнуть.

Мой вопрос заставил байкера и старушку замереть.

– Внизу поговорим, – Лидия аккуратно прикрыла за собой дверь.

Я выдохнула и, шелкнув дверной задвижкой, потянула подол платья вверх. Снималось оно, мокрое, на самом деле трудно. К тому же я основательно продрогла. Только сейчас

поняла, что меня сотрясает озноб. Найдя в шкафу плечики, я повесила на них свой самый лучший наряд и пристроила на крюке в ванной комнате.

Открыв чемодан, вытащила джинсы и розовый свитер. Остальное решила разложить, вернувшись после инструктажа. Немного помялась, выбирая обувь: кроссовки или лодочки? В ущерб офисному стилю я предпочла удобство. Достаточно было вспомнить, что на ногах Лидии сидели вовсе не балетки.

Расчесавшись и оценив себя в большом зеркале, вытащила из косметички зеркальце, пудру и помаду. Чтобы подправить пострадавший после дождя макияж при дневном свете, распахнула шторы на окне. Приятно удивилась, поняв, что это двери, ведущие на навесной балкон. Любопытство заставила шагнуть вперед. Дождь уже прекратился. Ветер с покрытых зеленью холмов тут же запутался в волосах. Я вздохнула полной грудью и окинула величественную панораму взглядом. Лучше бы я не смотрела вниз.

– Вот же ж! – выругалась я, поразившись неожиданному виду на... кладбище.

От неожиданности я села на кровать. Нет, мне совсем не нравилось место, в которое я попала. Бежать-бежать-бежать!

Увиденное под балконом встряхнуло. Если до того я плыла по течению, как-то отстранено принимая и странный дом, и необычный интерьер, а главное, намеки на нечто, не свойственное внешнему миру, то теперь словно прозрела. Мисти-

ка – это не то, с чем я хотела бы столкнуться. А уж застрять на десятки лет в чуждом мне мире и вовсе не планировала. Может, Лидией и двигал интерес отхлестать по щекам гуляющего мужа, осуществляя давнюю угрозу: «Ты еще приползешь ко мне на коленях!», то у меня не существовало ни повода для мести, ни любимого человека. Я даже рассмеялась, представив, как раздаю затрешины всем, с кем была в отношениях, и кто имел несчастье обидеть меня. Начиная с детсадовского романа, оборвавшегося, когда мальчик на утреннике выбрал в пару не меня, заканчивая недавним флиртом с Никитой из параллельного потока. Я надеялась, что после тесных танцев в кафе Кит пригласит меня на свидание, но он ушел с Петровичевой. На следующий день в группе шептались, что эти двое переспали. Если только взять за основу то, что я оскорбилась, то да, месть требовалась. Вот уж с кем я на самом деле распустила бы руки. Даже попинала бы гада немного. Зачем лезть целоваться к одной, а потом исчезать с другой? Но остаться ради такого триумфа в забытой богом дыре?

Хорошо, что не разбирала вещи. Зеленое платье скомкала и сунула в чемодан. Шляпу нахлобучила на голову и решительно дернула задвижку.

– И куда собралась? – от стены отлип Ви. Его внимание привлек чемодан в моей руке. – Вид на кладбище не понравился?

– Слишком навязчивые соседи, – буркнула я и поспешила

обойти непредвиденную помеху.

– Ты не можешь уйти, – байкер преградил мне дорогу.

– Почему? – я дерзко вскинула голову.

– Я вижу по крайней мере две причины, – он выставил передо моим носом пальцы в виде знака «V», будто заранее знал, что наш спор закончится его победой. – Во-первых, ты подведешь тетушку Лидию, она ждала сегодняшнего дня десять лет. Ты не имеешь права портить его. Место администратора не должно пустовать.

– Почему? – я словно баран твердила одно и то же, буравя рыжего детину злым взглядом.

– Нарушится равновесие. Лидия вынуждена будет остаться, и ее муж уйдет без нее.

– Разве нельзя временно пригласить на это место кого-то из постояльцев?

– Нет. Никто из них не подходит.

– Хорошо, – кивнула я, – если я все же окажусь бессердечной тварью и сорву встречу Лидии с мужем, то я хотела бы знать вторую причину.

– Ты подписала контракт.

– Когда это я успела подписать контракт? – мои брови подпрыгнули. – Я до ручки на стойке администратора даже не притрагивалась.

– Вспомни письмо, которое было отправлено тебе, – Ви подался вперед. Теперь он нависал надо мной, как готовая придавить скала. Его вкрадчивый голос не обещал ничего

хорошего. – Я могу процитировать его слово в слово. «Единственное условие, которому вы должны следовать – контракт нельзя разрывать раньше оговоренного срока. Если вы согласны, найдите в конверте карточку с нашим адресом». Главные слова здесь «Если вы согласны». Ты вытащила карточку, чем и подтвердила свое согласие.

– Но карточка не есть контракт! Любой вытащил бы карточку, чтобы посмотреть на нее.

– Посмотрела? На задней стороне условия договора видела? Кровь, как доказательство согласия, оставила? – каждый вопрос здоровяка заканчивался шагом вперед и моим отступлением назад. Не желая того, я вновь оказалась в выделенной мне комнате.

– Да не видела я ничего! И тем более кровь не оставляла! – от такой несправедливости готовились хлынуть слезы. Голос срывался на петушиный. А Ви все наступал и наступал. Мне пришлось выставить перед собой чемодан. – Моя квартирная хозяйка вскрыла конверт, она же порезалась о карточку, а потом попыталась отмыть ее от крови! При всем моем желании, я не сумела бы разглядеть на ней не только договор, но и точный адрес. Ехала сюда наобум!

– И тебя несколько не смутил странный вид автобуса?

– Ничего странного, – сзади коленки подперла кровать, и я села на нее. – Автомобиль старого образца никого не удивит.

– А то, что сиденья в нем в два ряда и слишком широкий

проход между ними, тебе ничего не напомнило? – Ви наклонился так низко, что мне пришлось лечь, лишь бы не чувствовать его дыхание на лице.

– Катафалк? – пискнула я, наконец понимая, на каком транспорте меня довели до Фонарной улицы. – Но зачем водитель останавливался на каждой остановке?

– Были и другие пассажиры. Просто тебе не дано их увидеть.

– Почему? – я вытаращила глаза.

– Души материализуются только в этом доме.

– Боже!!! – я закрыла лицо ладонями, но Ви продолжал мне выговаривать.

– У тебя было несколько возможностей отказаться от своей затеи, но ты упорно не видела знаков и шла вперед. Единственный фонарь среди темного леса, но ты оказалась сноровистой и сориентировалась по проводам. Темный дом на пустыре...

– На верхних этажах горел свет! – взвизгнула я.

– Гром и молния, начался дождь, но нет, ты не укрылась в лесу, а побежала к дому...

– В лесу было темно и страшно! – я злилась, что меня тычут носом в мою же глупость.

– А название? «Последний приют» – не слишком ли мрачно для гостиницы, где должны жить люди? Тебе даже дверь не сразу открыли, но ты же у нас усердная. Дергала за веревку, оглушая трезвоном весь дом.

Я все-таки разревелась. Лежала на кровати, придавленная собственным чемоданом, и чувствовала себя полной дурой.

Глава 3

Ви снял с меня чемодан и сел рядом. Положил руку на живот. Я хотела скинуть ее, но рыжий верзила не позволил.

– Сейчас будет легче.

Я перестала упиваться горем, а прислушалась к теплу, которое разливалось по всему телу. Тепло вытесняло страхи. Высохли слезы, пропало желание бежать. Через мгновение я даже почувствовала себя счастливой. Как человек, принявший не одну рюмку крепкого пойла. Когда море по колено.

– Что ты со мной делаешь? – я скосила глаза на Ви.

– Возвращаю тебя к жизни, – он был серьезен.

– Так я все-таки умерла? – внезапно пришедшая мысль опалила мозг. Как я не подумала, что в такое место попадают не просто так? Вдруг меня еще вчера, до встречи со Светиком-Семицветиком, сбил автомобиль? Или подавилась съеденной на ходу булочкой? А остальные события – это сценарий, разыгрываемый для оставивших белый свет? Тринадцатый маршрут, оказавшийся катафалком...

– Нет, место администратора может занимать только живой человек.

Эти слова немного успокоили: Лидия – живой человек. Но кто тогда Ви?

Байкер убрал руку и одернул свитер. Выходит, его ладонь лежала на моем голом животе, а я даже не дернулась.

– А все остальные – призраки? – я села. – Те, кто ехали со мной в автобусе, и все живущие в гостинице?

– Мы называем их душами. Заплутавшими душами, которые не могут покинуть мир только из-за того, что их держат нерешенные проблемы. Здесь их последний приют перед тем, как отправиться...

Ви сделала паузу, чтобы я сама догадалась, куда отправляются мертвые.

– На небеса?

– Не всегда. Грехи тянут вниз.

– Ты сказал «мы». Кто мы?

– Я и братья Кристофер.

– Боже, а это еще кто? – я перевесилась через кровать, чтобы достать с пола шляпу. Придвинула ближе к себе чемодан. Я еще не отказалась от идеи покинуть логово беспокойных душ. Да, Ви немного прояснил ситуацию, но я получила не все ответы. Поэтому личное имущество предпочитала держать рядом.

– Хозяева гостиницы, – здоровяк наблюдал за моими телодвижениями.

– Я могу с ними обсудить контракт? – правильно сказал Ви, я смекалистая и сразу поняла, что байкер всего лишь охранник, которому велено «не пущать». Важные вопросы лучше решать с боссами. – Я хотела бы опротестовать свой трудовой договор, поскольку не читала его и не подписывала. Считаю свое удерживание здесь незаконным.

– Ну что ж, – Ви поднялся, – так и сделаем. Дождемся братьев. Они сейчас отсутствуют, но скоро придут. Поэтому давай перестанем кочевряжиться и спустимся вниз. Лидия заждалась.

– Скоро – это когда? – я больше не допущу промашек. Все эти туманные словечки лучше сразу уточнять. – Я должна знать точное время.

– Здесь времени нет, – обрадовал меня рыжий детина.

– А солнце? – я кивнула на распахнутую дверь на балкон.

– Это твои внутренние часы. Ты думаешь, что сейчас день, поэтому видишь солнце.

Пока Ви нес чушь, я вытащила из сумки мобильник. Он так и показывал 7:53. Я запустила перезагрузку. Байкер усмехнулся.

– Представь, что сейчас ночь, – попросил он. – День завершился, и ты готовишься ко сну. На темном небе выпалили звезды...

Тут усмехнулась я.

– Не выйдет. Я еще не обедала и не ужинала. А я не привыкла ложиться спать на голодный желудок.

– Раба привычек.

– Без соблюдения ритуала мои внутренние часы тоже начнут сбивать, – я показала ему перезагрузившийся мобильник. На циферблате светились цифры начала времен – 0:00.

– Хорошо, пошли вниз, – Ви протянул руку. – Проводим Лидию, и я тебя покормлю.

Обещание еды подкупило. Я – живая и мне следовало поддерживать в себе это убеждение.

Автоматом вложила пальцы в ладонь байкера. Это было ошибкой. Легкомысленность и приподнятое настроение тут же вернулись. Роящиеся в голове вопросы сдуло ветром. Я шла за Ви чуть ли не в припрыжку. Лестницу преодолела, едва сдерживая себя, чтобы не съехать на перилах верхом. Лидия нас ждет!

– О, вот, наконец, и вы! – старушка, выбираясь из кресла, перевела взгляд на наши сцепленные ладони. – Чем же вы так долго занимались?

Я смутилась и отпустила мужскую руку. Счастливая улыбка моментально слетела с моего лица. Надо запомнить, что прикосновения Ви превращают меня в жизнерадостную дурочку.

– Пришлось провести с Красной шапочкой воспитательную работу, – Ви подтолкнул меня к стойке администратора.

– Надеюсь, не в кровати?

Старушка оказалась язвой. Еще бы ей не язвить, у нее каждая минута на счету, а я тут со своими истериками.

– В кровати, – вздохнул Ви. Мое лицо загорелось. Гад, какой же гад! Губы здоровяка раздвинулись в улыбке, и он сделался похожим на довольного кота. – Я разве соврал?

– Показывайте, что входит в мои временные обязанности, – прервала я неловкую паузу. И намеренно указала, на что согласилась.

– Ничего особенного, – Лидия присоединилась ко мне. Раскрыла «гроссбух» на пустой странице и пододвинула ближе. – Вот здесь, – она ткнула ноготком в линованную строку, – поставишь порядковый номер и передашь книгу гостю. Он впишет свои данные. Имя, дату, когда покинул мир, обстоятельства смерти.

Я перевернула страницу, чтобы посмотреть предыдущие записи, но они отсутствовали. Даже в самом начале книга оставалась девственно чистой.

– Начиная свои записи отсюда, – Лидия упрямо вернулась на ту страницу, где указывала строку ногтем.

– Но почему не сначала? – я хотела понять. – К чему оставлять столько пустого места?

Ви, расположившийся по другую сторону стойки, с интересом наблюдал за нами. Заметив, что мы обе нервничаем, перевесился и накрыл ладонью руку старушки.

– Тетушка Лидия так давно работает, что забыла – непосвященные не видят записей.

– Ах, да! – ее щечки сделались румяными. – На самом деле забыла, что прежде всего нужно тебя посвятить.

Лидия расстегнула брошь, украшавшую воротник, и попыталась прицепить ее к моему свитеру. Я увернулась.

– Сначала я должна переговорить с хозяевами, – шаг за шагом я отступала к стене, но старушка продолжала надвигаться. – Мне еще не ясны условия контракта.

Лидия неожиданно зло топнула ногой.

– Да сколько можно издеваться надо мной?!

Я растерялась. Открыла рот, не зная, что ответить. Ее раздражение было объяснимо, но моя судьба волновала меня ничуть не меньше. А вдруг, соглашаясь, я делаю роковой выбор? Одно дело рисовать порядковые номера в журнале регистрации, совсем другое проходить посвящение.

Лидия воспользовалась моей растерянностью. Она резко бросилась вперед и, стукнув меня спиной о стену, все-таки навесила брошь. Я вскрикнула, машинально отталкивая человека, сделавшего мне больно.

– Вы меня укололи!

– Дело сделано, милочка, – старуха отряхнула руки, словно только что занималась грязной работой. – Застегни замочек, чтобы не потерять Око. Не забывай забирать его с собой, когда будешь спускаться вниз.

Я перевела испуганный взгляд на Ви.

– Что вы только что со мной сделали?!

– Ничего особенного, – тот пожал плечами. – Теперь ты можешь видеть то, что прежде было недоступно.

Он кивнул себе за спину. Я ахнула. В холле сидели и стояли люди. Самые настоящие, не призрачные.

– Часть из них прибыла с тобой, – Лидия подтолкнула меня к книге. Она была густо исписана. – И все время, пока ты капризничала, бедняги ждали регистрации

Я пялилась на страницу, постепенно осознавая, как много душ прошло через гостиницу – каждый месяц начинался с

новой нумерации, и заканчивалась она трехзначной цифрой.

Тем временем старушка выдвинула ящик и достала оттуда деревянную шкатулку.

– Это лупа, которая поможет тебя понять, кто из гостей мошенничает. Чернила изменяют цвет, – она откинула крышку и вытащила увеличительное стекло в металлической оправе. Явно старинной. Почерневшей от времени, но по-прежнему красивой. Я невольно потянулась за ней – вещь оказалась тяжелой.

– Направь на любую запись, – Ви мягко улыбался. Наверное, все мои мысли сразу же отражались на лице. Никогда не умела делать непроницаемый вид. Наверное, поэтому вся группа мне сочувствовала, когда Никита выбрал другую девушку.

Я повела лупой над страницей и неожиданно для себя увидела, как одна из строк загорелась красным. Вечно я делаю одно, а думаю совсем о другом. Кровавые буквы свивались в непонятную вязь и выглядели так, словно их писали дрожащей рукой. Вокруг кляксы и грязь.

– Не читаемо, – я подняла взгляд на Ви.

– В них нет истины, – ответил тот лаконично.

– Что делать с вруном? Попросить написать правду?

– Раз солгавший солжет снова, – Ви со значением посмотрел на меня, и я ощутила, как по позвоночнику прошелся холод. Вроде и не врала еще, а уже чувствовала за собой такой грех. – Мы отказываем таким.

– Поэтому ты должна предупреждать каждого, что следует писать истину, иначе убежища у нас не видать, – наставительно произнесла Лидия. Она приводила одежду в порядок. Наша небольшая стычка растрепала ее.

– Что случится с врунишками дальше?

– Им не будет покоя, милочка. Бродить века среди людей, которые их не видят, не слишком увлекательное занятие.

Я передернула плечами. Сколько таких, неуспокоенных, мучается в мире живых?

– А что происходит с теми, кто прошел регистрацию? – я посмотрела на смиренно ждущих постояльцев.

– Мы им помогаем, – ответил рыжий здоровяк. – В основном хозяева занимаются этим.

Лидия с беспокойством посмотрела на Ви.

– Она не знает? – спросила она шепотом.

Байкер покачал головой.

– Что я должна знать? – я уже поняла: не спросишь – не получишь ответ. Однако в этот раз формула успеха не сработала.

– Всему свое время, – философски заметил Ви и уступил место страждущей зарегистрированной душе.

Процедура регистрации на самом деле оказалась несложной. За стойкой находились самые обыкновенные люди. Ни пятен крови, ни петли на шее, ни трупного запаха.

Сначала мои пальцы тряслись, и очередная цифра 78 вышла настолько кривой, что хотелось плакать, но подоспел

на помощь Ви. Он встал за мной и, положив ладонь на спину, унял все страхи. Когда я в четвертый раз повторила, что гость должен сообщать о себе правду, только правду и ничего, кроме правды, выяснилось, что новоприбывших больше нет – толпящиеся в холле уже являлись постояльцами.

– Почему они здесь собрались? – тихо спросила я у Ви, оттирая пальцы от чернил. Не умея пользоваться перьевой ручкой, умудрилась испачкаться. – Им нечем заняться?

Мне не хотелось, чтобы они торчали в холле целый день. Еще не привыкла, что вокруг меня одни мертвецы, и было не по себе.

– Постепенно ты во всем разберешься. Я первое время тоже ходила сама не своя. Как вспомню, что страдальцы пишут в журнале, так в слезы. Потом привыкла.

Лидия смотрелась в крохотное зеркальце и рисовала себе губы. Женщина в любом возрасте остается женщиной. Тюбик помады в ее руках плясал – то ли от неловкости хозяйки, потерявшей навык краситься, то ли от волнения перед встречей с мужем.

Я нахмурилась. Я так переживала, что даже не подумала вчитываться в рассказы постояльцев, лишь проверила их с помощью лупы на правдивость. Ви снова положил ладонь мне между лопатками, и желание немедленно открыть книгу, чтобы узнать истории бед наших постояльцев, исчезло. Я благодарно улыбнулась рыжему верзиле – у меня появился помощник, который уберет от ненужных страданий. Кста-

ти, с удивлением заметила, что назвала постояльцев гостиницы «нашими».

– Вы, дорогая тетушка Лидия, были сама не своя не потому, что прониклись судьбами людей. Вы их страданиями забивали свои, – Ви оставил заботу обо мне, дернув на прощание за локон, и обнял Лидию. Пришел ее черед получить успокоительное. – Я помню тот день, когда вы появились на нашем пороге. Измученная, потерянная, жалкая.

– Я любила Георгия. Да. Больше жизни. Поэтому его слова «Прости, но у меня есть другая» приняла как смертный приговор. Я бы даже смирилась с наличием любовницы, честно, – Лидия посмотрела на меня, – лишь бы Гриша не уходил... Но муж отцепил мои пальцы от своей одежды и закрыл за собой дверь. Спасибо Радису, он вытащил меня из петли. А ты, милый, – Лидия положила ладонь на широкую грудь Ви, – напомнил, что жизнь прекрасна. Я всем вам благодарна. Даже Феру. За то, что, вопреки правилам, позволил уйти вместе с мужем. Жаль, не успела с ними толком попрощаться. Кто же знал, что долгожданный день настанет именно сегодня?

– И мы благодарны вам, – Ви гладил Лидию по спине. – Вы были для нас матерью.

– Скажешь тоже, – старушка хлюпнула носом.

Байкер, ласково глядя на поднявшую голову женщину, разомкнул объятия и вытер ее мокрые щеки большими пальцами.

– Дай мне смелости, – попросила она.

– Вы можете остаться с нами.

«Да!» – крикнула я мысленно, понимая, что многие проблемы сразу решились бы.

– Я прошу смелости, а ты предлагаешь отказаться от мужа, – с обидой в голосе произнесла Лидия.

– Закрой глаза, – Ви вдруг перешел на «ты».

Старушка выполнила приказ. Я слышала, как изменился голос байкера – в нем гремела далекая гроза. И без того бледная радужка глаз сделалась вовсе прозрачной. Как у слепца. Движения приобрели странную тягучесть, словно растянулось само время. Теперь Ви мало походил на человека.

Я запечатала рот ладонью, боясь нечаянным вскриком выдать свой страх.

Ви потянулся к голове Лидии, зарылся пальцами в ее волосы, нарушая порядок и заставляя шпильки осыпаться на пол. Медленно наклонился и прижался губами ко лбу женщины. Я не знаю, сколько они так стояли. Трудно определить время, когда сама находишься в оцепенении.

– Все. Иди. Тебе больше нечего бояться.

– Теперь я это вижу, – побелевшими губами произнесла Лидия. По ее щеке поползла одинокая слеза. – Гриша уже здесь?

Получив утвердительный кивок, тетушка сняла очки и положила их на стол. Волосы собирать не стала, лишь вытащила из петли верхнюю пуговку. Без тяжелой броши не было

нужды застегивать ворот под самое горло.

Не прощаясь и не оглядываясь на нас, Лидия направилась к входной двери. Недавняя наставница забыла о моем существовании. Прямая спина, сжатые в кулаки пальцы. Люди потянулись за ней на улицу. Я тоже тронулась с места, но Ви меня остановил. Он вновь был рыжим байкером.

– Не думаю, что ты захочешь это увидеть.

Я, не понимая, свела брови к переносице.

– Лидия должна выполнить некий ритуал, – пояснил он. – Как условие, чтобы уйти с Григорием.

– Неприятный ритуал?

– Да. Дорогу в Ад тоже нужно заслужить.

– Лидия идет вслед за мужем в Ад? – у меня пересохло во рту.

– Она сама выбрала этот путь.

– И никак нельзя отправить ее туда, куда положено? Она ведь хорошая, ты сам это знаешь!

– Его грехи велики, – лаконично ответил рыжий. – А разлучаться она не хочет.

Я оттолкнула Ви, преградившего мне путь к двери. Я хотела остановить Лидию. Нельзя из-за желания быть с любимым идти на непростительный поступок. Даже находясь в отчаянии, нужно оставаться человеком.

Я плохой знаток Заповедей, помнила лишь основные, что чаще всего были на слуху. Не убий, не прелюбодействуй, не укради. Что из десяти «не» выберет Лидия, чтобы сделаться

«достойной» Ада?

Когда я выскочила на крыльцо, то увидела быстро удаляющуюся Лидию. Она решительно направлялась к человеку, застывшему в центре пустыря. У кромки леса виднелся черный катафалк, запряженный черной же лошадейю.

– Что у нее в руках? Трость? – Лидия была слишком далеко, чтобы я разглядела неизвестно откуда взявшийся предмет.

– Меч.

– Значит, убийство, – я не могла поверить, что Лидия отважилась нарушить самую страшную из Заповедей.

– Ритуальное. Григорий Васильевич Рогов уже несколько дней как мертв. Был отравлен женой.

– Той самой любовницей? – я повернула голову к Ви, вставшему рядом со мной. Влажный ветер раздувал его рыжие волосы. Густо пахло свежескошенной травой.

– Он мешал ей. Желчный старик, пусть и сидящий на куче денег, не идет ни в какое сравнение с молодым любовником.

– За что боролся, на то и напоролся, – выдохнула я.

Глава 4

Мне не было жалко предателя. Как не стала бы я плакать по решившейся на преступление отравительнице – она своими руками приблизила к себе Ад. Я не понимала Лидию, которая десять лет ждала возвращения Григория. Да, он вернулся к ней, но только мертвым.

– Стоит ли ради такого человека обрекать себя на вечные муки?

– Любовь порой принимает весьма причудливые формы, – философски заметил Ви.

Лидия между тем дошла до опустившейся на колени фигуры. Старик склонил голову, понимая, что его ждет. Его серебристые тонкие пряди трепал ветер. Виноват Гриша, кругом виноват. Измучил своих женщин до отчаяния. Одна отравила, лишь бы не видеть больше, другая собирается совершить пусть и ритуальное, но убийство.

– Я не думаю, что Лидия любит мужа, – я вдруг поняла, что происходит в душе бывшей жены. – Она идет за ним в Ад, чтобы видеть, как он будет мучиться. Она жаждет убедиться, что ее Гриша получил сполна. Ею движет месть.

– Человек наделен страстями, – Ви был спокоен.

Лидия замахнулась.

– Нет!!! – закричала я, и одновременно с моим отчаянным воплем меч рассек воздух.

Только воздух.

Лидия все же не смогла обрушить оружие мести на виноватого. Она отбросила меч в сторону. Старик, увидев, что его палач закрыл лицо руками, поднялся с колен и обнял рыдающую жену.

– Лидия не смогла! – прошептала я. Потрясение вызвало слезы, и я уткнулась лбом в грудь Ви. Он гладил меня по голове, а я все твердила: – Она не смогла! Не смогла!

– Да, она оказалась сильной. Как и просила.

Так вот для чего Лидии нужны были силы! Чтобы отказаться от желания убить.

– Что теперь будет с ними?

– Решать не нам, – лаконично ответил Ви.

Я пребывала в полной растерянности. Все, о чем твердили тысячелетия, обретало здесь и сейчас истинность. Суд над Григорием и Лидией будет вершить кто-то другой, большой и мудрый.

Когда я, наконец, оторвалась от Ви, оставив на его майке мокрые следы, на горизонте не было ни Лидии, ни ее мужа, ни катафалка.

– Как ты думаешь, она уже умерла?

– Лидия умерла сразу же, как только ты позвонила в дверь. Поэтому я не мог отпустить тебя, – Ви, собирая мои слезы, поцеловал меня в один глаз, потом в другой. Я не сопротивлялась. Я начала привыкать к ласкам рыжего детины. Рядом с ним было тепло и спокойно. – Наш дом жив, пока в нем оби-

тает хоть одна живая душа. Иначе ему в этом мире не удержаться.

– Почему же ты принял меня за постоянлицу? Ведь ты знал, что сегодня должен явиться администратор? Я помню твои слова. Ты сказал: «Она слишком молода, чтобы...».

– Не цепляйся к словам. Я не знал, как выглядит новый работник. А ты на самом деле слишком молода, чтобы умереть, – Ви заправил мне локон за ухо. Вездесущий ветер лохматил волосы. – Когда Лидия упрекнула меня, что я мелю чепуху, я сразу понял, что с тобой все в порядке. А вот с нашей старушкой – нет. Идем, я кое-что тебе покажу.

Мы стояли на кладбище у свежей могилы. Рядом горкой лежала скошенная трава. Меня затошнило от ее густого запаха. Надпись на камне гласила, что здесь покоится Лидия Кирилловна Рогова. Дата смерти 1 августа 2023 года. Мой первый день временной подработки.

– Она не почувствовала смерть? – я была оглушена. – Она выглядела и вела себя как живая.

– Нет. Легкое головокружение и временная потеря ориентации. Из-за этого она не сразу открыла тебе. Я сам спустился только потому, что удивился ее промедлению. Обычно она оказывалась у двери тут же. Лидия была отличным работником.

– Она слишком легко поднималась по лестнице, – я вспомнила отекавшие ноги в валенках и то, что старушка совсем не запыхалась. – Я заметила, но не удивилась. Моя го-

лова была занята совсем другим.

– Да. Тогда Лидия еще не знала, что умерла.

Я обхватила свои плечи руками.

– Моя могила тоже готова? – лучше сразу выяснить, что меня ждет, чем теряться в догадках. – Что написано в договоре, который я так и не прочла?

– Ничего особенного. Ты не оставишь пост, пока не дождешься замены. Со своей стороны, братья Кристофер обязуются подобрать кандидатуру на твое место в месячный срок, – байкер пихнул меня, чтобы я дышала.

Уже одно то, что Ви подтвердил, что через месяц я буду свободна, несколько успокаивало. Осталось уточнить кое-какие «мелкие» детали. О жизни, смерти и могиле. Но верзила еще не выговорился, и я не стала перебивать его.

– Мы на самом деле не нашли другого варианта, – он выглядел виноватым. – Ухватились за тебя от отчаяния. Время подпирало. Старику было уготовано прожить еще несколько лет. Но люди иногда вмешиваются в дела провидения.

– Скажи, я дождусь своей замены живой или мертвой?

– По твоему желанию, – Ви улыбался.

– Ясное дело, я желаю остаться живой! – я стукнула его по плечу.

– Ты можешь захотеть остаться здесь навсегда. Да-да. Вдруг тебе понравится? Главное, не забудь предупредить нас, чтобы мы не суетились с заменой.

– Сомневаюсь, что захочу провести остаток дней в таком

жутком месте, – меня передернуло. Неуместные разговоры, особенно здесь, на кладбище.

– Разве оно жуткое? – Ви оглядел холмы, повернулся к дому, который с этой стороны выглядел не менее уродским. Вдохнул полной грудью. – Сдается мне, что мы видим одно и то же по-разному.

– Разве? Как еще можно видеть это мрачное место? – ехидно спросила я. – Я стою у свежей могилы, а ты?

– Со временем привыкнешь.

– Со временем? Как привыкнуть к тому, чего нет? Почему на моих часах вечные ноль-ноль? – я вытащила из кармана телефон и потрясла им. – Не случится ли так, что я пребываю в уверенности, что прошел месяц, а на самом деле минули года?

– Нет, мы будем с тобой честны.

– Угу, честны! Однажды утром скажете, поздравляем, Маргоша, тебе уже сорок.

Ви рассмеялся. Задорно, закидывая голову. Вот так тебя провожают, дорогая Лидия. Жизнерадостно.

– Давай поспорим, что ты не захочешь уйти?

– Почему это? – я с подозрением воззрилась на рыжую морду.

– Ты еще не видела нашего Радиса. Он красавчик.

– Себя ты уже списал со счетов?

– Хочешь сказать, что можешь остаться здесь из-за меня? – он сделал большие глаза.

– Разве такая дурочка еще не нашлась? – парировала я. Остаться из-за Ви я не планировала, хотя он на самом деле был хорош. Просто меня заинтересовало, почему у такого симпатичного парня нет подруги. Или есть, но я с ней пока не знакома? Я видела среди людей в холле несколько молоденьких девушек.

– Здесь, где нет живых? – в свою очередь удивился Ви.

Тьфу ты, совсем забыла, что все обитатели этого дома призраки.

– А в городе? Разве ты никогда не пробовал сходить на самое настоящее свидание?

– И оставить единственного живого администратора одного?

– А живому администратору можно покидать дом? – уцепилась за дельную мысль я. – Мы могли бы вместе...

– Сходить на свидание? – он сиял медным тазом.

– Прогуляться.

– Не дальше автобусной остановки.

Ну вот! Мне очертили рамки допустимого. Итак, я пленница жуткого дома. Остается только надеяться, что контракт будет соблюден. Хотя я уже уяснила, что детали обсуждать лучше с хозяевами гостиницы. Они мои наниматели, а Ви слишком часто юлит и недоговаривает.

О том, что качок не всегда искренен со мной, свидетельствует хотя бы такой факт: он и Лидия уверяли меня, что без «волшебной» броши я не могу видеть умерших. Но как тогда

быть с утверждением, что тетушка испустила дух в то самое время, когда я трезвонила в дверь? Выходит, я обошлась без Ока? А почему тогда не видела остальных – тех, что ехали со мной в одном автобусе? Или Лидия не была мертвой на момент нашей встречи? Но для чего тогда рыжему детине врать? Для красного словца?

Я специально упустила возможность припереть к стене моего жизнерадостного приятеля. Он в любом случае выкрутится. Лучше я приберегу вопросы для более удобного случая. А пока буду примечать прочие нестыковки, чтобы выяснить, стоит доверять обитателям этого дома или я один в поле воин?

– Ты не проголодалась? – Ви, как всегда, был заботлив. Не удушил бы однажды своей заботой.

Я просто кивнула и пошла следом за байкером. Взять его за руку отказалась, что вызвало лишь кривую усмешку.

В холле никого из людей не обнаружилось.

– Разбрелись по дому или сидят в баре, – пояснил Ви.

– О, у вас есть бар? – я даже пошла быстрее. Я вовсе не любительница выпить и совсем забыла, что меня уже посылали за мороженым к бармену, но то, что в гостинице имеются традиционные для внешнего мира развлечения, радовало. – А разве души нуждаются в еде и питье?

– Нет, не нуждаются. Они думают, что едят и пьют, спят, гуляют и даже флиртуют. Одним словом, живут, – байкер открыл одну из дверей первого этажа и пропустил меня впе-

ред. Мы шли по длинному коридору. – Чего только не сделаешь, чтобы травмированные души оказались в привычных для себя условиях. Каждая из них со своей страшной историей. Дом помогает им чувствовать себя живыми, а я – справиться с накаत्याющей болью.

– Выходит, хозяева гостиницы оказывают заблудшим душам милосердие?

– Не всем. О злых призраках слышала?

– Ну... – возвела я очи к потолку. Почему-то на ум приходило только мультяшное кентервильское привидение. Потом я вспомнила о тени отца Гамлета. Призрака оперы сразу отменяла, хотя герой в маске был самым настоящим маньяком. – Какое-то представление имею, – ответила в итоге уклончиво.

– Так вот здесь ты их не увидишь. С ними разбираются еще по пути в «Приют».

– Кто расправляется? Тот усатый дядька?

Мне не верилось, что потеющий водитель способен кого-то обидеть. Да после того, как мне стало известно о других пассажирах, я скорее решила бы, что он их боится. Вспомнить хотя бы, как он держался за руль, и как побелели костяшки его пальцев.

– Чистильщик, – кивнул мне Ви. – Он видит Свет и Тьму. Свет он высаживает на Фонарной улице, а вот Тьму везет на конечную остановку.

– И что он с ними там делает? – мне стало не по себе.

– Проглатывает.

Я рассмеялась. Понятно же, что Ви меня разыгрывает. Намотал, наверное, на ус, что я собираюсь «гулять», вот и стращется, чтобы не ушла, а тем более не села в автобус. Но пути отступления у меня должны быть, и Ви никакими страшилками их не отрежет.

– Скажи, что пошутил, – я пихнула его бедром.

– Если тебе именно это хочется услышать, – Ви открыл вторую дверь.

Внутренний декор ресторана напоминал трактир: деревянные столы со скамьями, в углу барная стойка под стать им, открытая кухня с большой плитой и висящими на крюках кастрюлями.

В высоких шкафах красовались намытые до блеска тарелки. На потолке висело огромное тележное колесо с утыканными по ободу свечами. Их пламя трепетало от сквозняка.

А какие по помещению плыли запахи! Сытного бульона, приправленного зеленью, скворчащих на сковороде чесночных колбасок и свежего хлеба. Я сглотнула голодную слюну.

Посетителей было всего трое, и они что-то горячо обсуждали. Я прислушалась.

– А когда братья вернутся? – спрашивал паренек лет семнадцати – один из новоприбывших, которых я сегодня регистрировала.

– Ждем с минуты на минуту, – бородатый мужик, похожий на упитанного бычка, отхлебнул из кружки пива. На его усах осталась густая пена.

– Скажешь тоже! – хмыкнул второй, явно здешний «долгожитель». Его одежда и внешний вид указывали на то, что он тусуется в гостинице не один десяток лет. Именно такими я представляла хиппи: длинные волосы, цветастая рубашка на выпуск, брюки-клеш. На ногах сандалии. Только венка на голове не хватало. Очевидный представитель «детей цветов» – любителей травки и свободных половых отношений. – Ты, чувак, особо рот не разевай, – он хлопнул щуплого паренька по плечу. – Для кого минутка, а для кого и годы пройдут, прежде чем братья Кристофер изволят внимание на тебя обратить.

Я с укором посмотрела на Ви. Вот оно – подтверждение моих опасений! Байкер только улыбнулся и провел меня к соседнему столу. Я специально села лицом к постояльцам. Меня тоже живо интересовал вопрос, когда вернутся братья Кристофер.

Между тем беседа троицы продолжалась.

– Я не могу долго прохлаждаться, – юноша заглянул в свою кружку, но пить не стал. – Мне надо сестре шепнуть, чтобы она от своего мужа быстрее бежала. Он... плохой человек.

– Он, что ли, тебя прихлопнул? – бычок нахмурился. Его кустистые брови сошлись в одну линию.

– Ага. Я случайно нашел его тайник. Там хранились женские вещи. Трусы в основном. А я от соседей слышал, что в нашем городе объявился насильник.

– Фетишист? Да, влип ты, чувак. Если бы ты его сдал, он приличный срок получил бы, – хиппи задумчиво покусывал спичку.

– От же паскуда! – бородач осуждающе помотал головой. – И как он тебя... того?

Взоры обоих обратились к пареньку. Тот вяло показал на горло.

– Придушил. Как котенка.

– А вдруг ему понравилось убивать? – спичка хиппи переползла в уголок рта. – Теперь пойдет косить направо и налево.

– Я нашел его маску, – мальчишка вздохнул. – Если бы в тайнике просто трусы были, я бы не догадался.

– Да, дело серьезное, – бычок указательным пальцем поскреб бороду. – Мешкать нельзя. Надо хозяевам как можно быстрее рассказать.

– Вот и я о том, – паренек опустил глаза в кружку. – Я за сестру боюсь.

– Я тоже за его сестру боюсь, – шепнула я Ви. Байкер сел напротив меня.

– Не бойся, им займутся, – успокоил меня здоровяк и поднял руку, чтобы хлопочущая у плиты женщина подошла к нам.

Та явилась с полотенцем в руках. Замахнулась им на троицу.

– Чего раскудахтались? Только господам настроение пор-

тите! Поеть нормально не даете!

Мальчишка испуганно обернулся на нас. Но повариха все не унималась.

– Ладно новенький правил не знает, а вам-то, остолопам, должно быть известно, что в едальне о земных делах молчат!

– Да мы... – уши бородача сделались пунцовыми.

– Всё-всё, мы уходим! – хиппи, поднимаясь со скамьи, миролюбиво поднял руки. – День волнительный, мы Лидию поминали, вот и не удержались.

Бородач одним махом осушил кружку, парнишка к своей так и не притронулся. Через мгновение троица покинула стол. Проходя мимо нас, каждый из них склонил голову перед Ви и с интересом взглянул на меня. Байкер ответил на внимание привычной ухмылкой.

Хиппи ненароком погладил повариху по заду, отчего тут же схлопотал полотенцем по хребту.

– Сто лет в обед, а все туда же, – зло процедила она.

– Познакомьтесь, – произнес Ви, когда мы, наконец, остались одни. Повариха приветливо ему улыбнулась. – Это Маша Обухова – лучшая стряпуха со времен первой мировой войны, а это... – он сделал паузу, чтобы зардевшись от смущения Мария – женщина средних лет и той милой сердцу женской красоты, про которую говорят «спелая», перевела взгляд на меня, – ...наша Красная шапочка.

– Какая же она ладная! – неожиданно тонким голоском пропела повариха. До этого выговаривала посетителям так,

словно в трубу трубила. – Кожей белая, очами ясная!

– Красивая? – подыграл ей Ви. Мне захотелось залезть под стол, чтобы спрятаться от ощупывающего взгляда Марии.

– Очень. Волосы мягкие, словно шелк, так и хочется потрогать. Глазоньки большие да цветом под лесной орех, бровки темные, губки пухлые, носик уточкой.

Я неосознанно схватилась за нос. Никакой он у меня не уточкой. Прямой и аккуратный. Совсем немного курносый.

Ви, глядя на меня, улыбался, а Мария продолжала плести словесные кружева – моему спутнику в удовольствие.

– Только как бы наши хозяева за такую ладу не перессорились, – с сомнением покачала она головой.

– Вот и Маша меня в расчет не берет, – пожаловался мне байкер, сделав нарочито несчастное лицо. – Не верит, что меня можно любить.

– Так вы опять сами отступитесь. Откажетесь с братьями соперничать, – по-детски простодушно произнесла она. – Не раз проверено.

– На ком? – не удержалась я. – На ком не раз проверено? Повариха смутилась. Видимо, сболтнула лишнее.

Глава 5

В помещении повисла напряженная тишина. Ви, жалея растерявшуюся Марию, перетянул внимание на себя. Кажется, я слишком напирала.

– Понимаешь, Шапочка, ты здесь не первая молодая и красивая женщина. А там, где появляются наследницы Евы, всегда просыпается соблазн любить их.

– Ты имеешь в виду, я не первая живая женщина, которая должна лечь в постель по прихоти хозяев? – не удержалась я от уточнений. Вот же! И здесь харрасмент!

– Зачем же по прихоти? – Мария покраснела. Веснушки на ее круглом лице сделались еще ярче. – По любви. Никто принуждать не будет. У наших господ все только по любви и согласию.

– Мария! – Ви сделал серьезное лицо. – Займись-ка лучше своими делами. Принеси нам... что там у тебя сегодня наготовлено?

– Ушица, перченые колбаски, взвар ягодный. Каравай пшеничный и крендельки соленые. Все, как вы любите.

Мой желудок откликнулся бурчанием. Я отложила размышления о царящих в «Приюте» нравах на потом.

– Надеюсь, еда настоящая, а не призрачная, – прошептала я, когда Мария отошла к очагу. Запахи запахами, но вдруг и они иллюзия?

– Уморить тебя голодом? – Ви задрал брови. – Кто тогда работать будет?

– А где вы берете продукты? Привозите или у вас ведется натуральное хозяйство? – задавала я вопросы с умыслом. Если провизию закупают, то должна быть связь с городом. Ну не на автобусе же Чистильщика их перевозят? Вот еще один страшный тип, о котором следовало бы подумать. Интересно, а он живой или мертвый?

– Зачем тебе знать? – Ви смотрел с подозрением.

– А может, вы заставляете души в саду-огороде работать? Мария, как я поняла, сто лет как мертва, а почему-то до сих пор стоит у плиты. Рабовладельческим строем попахивает.

– Неужели я слышу в твоих словах мятеж? Не рано ли устраивать революцию? – Ви наклонился над столом, чтобы я не пропустила ни слова. Я тоже потянулась к нему навстречу. В его глазах плясали искорки света. – Давай начнем с того, что я не обязан раскрывать наши секреты всяким временным работникам.

– Не хочешь, не говори. Тоже мне секрет, где картошка растет, – надулась я. А себе намотала на ус, что следует подружиться со словоохотливой Марией, которая многое знает и о хозяевах, и об укладе здешней жизни. Не всегда же Ви будет следовать за мной по пятам?

Еда оказалась вкусной и сытной. На десерт повариха принесла сдобные булочки и кувшин взвара. Ви предпочел хлебнуть пива. Для этого он прошелся к барной стойке, и покол-

довав у бочонка, сам наполнил бокал.

– А где бармен? – я покрутила головой. – Лидия обещала, что он сделает мне мороженое.

– Пока обходимся без него, – Ви, глотнув пива, от удовольствия закатил глаза. – Братья Кристофер взяли его с собой.

Вот так всегда. Пообещают и на попятный. Магазины нет, холодильника нет, мороженого тоже нет. Чудесное место.

Упоминание о бармене разговорчивая повариха не пропустила.

– Может так случиться, что Костик к нам больше не вернется, – она поставила рядом со мной вазочку с вареньем. – Я буду по нему скучать. Мороженое у него на самом деле получалось отменное.

– Почему не вернется? – я распрямила спину.

– Так для того хозяева и позвали, чтобы его беду уладить, – Мария смотрела на меня как на несмышленного ребенка. – Маялся он, виноватым себя перед невестой чувствовал. Поссорились из-за пустяка, вот он и выбежал из дома разгоряченный, а там телега.

– Не телега, а машина, – буркнул недовольный Ви.

Мария махнула рукой.

– Все едино. С жизнью расстался, а она, бедняжка, думает, что по ее вине Костя под колеса бросился. Слезами себя изводит.

– Маша, – оборвал ее Ви, – ты сама ругаешься, когда в

твоей едальне говорят о земных делах. Сейчас-то почему тебя несет?

– Ой, молчу-молчу, – повариха прижала пухлые пальчики к губам, но ненадолго. Слова прямо-таки рвались из нее. – Я одного никак в толк не возьму, когда у вас руки дойдут до моих дел? Сколько еще ждать-то?

– Тебе с нами плохо? – рыжая бровь байкера поползла вверх.

– Нет, не плохо, – повариха опустила глаза. – Только здесь иногда так сильно прихватывает...

Она прижала ладонь к груди.

Ви поднялся и привлек к себе женщину. Постоял, раскачиваясь с ней, будто баюкая.

– Теперь легче? – через некоторое время он расцепил руки, возвращая поварихе свободу.

– Да, – она кивнула и потянулась к завязкам фартука. На ее лице опять светилась улыбка. – Пойду на могилке своей подружки Лидии посижу. Там хорошо, спокойно.

– Иди, милая, – Ви проводил ее долгим взглядом.

Не знаю почему, но сцена с поварихой меня задела. Сделалось обидно за Марию.

– Я поняла, кто вы такие. Вы эксплуататоры душ. Сто лет бедную Машу ради своей корысти удерживаете. Вкусно готовит, да?

Ви вернулся ко мне, сел на скамью. Пока он опускался, у меня живот скрутило от страха. Уж очень серьезен был бай-

кер, от него опять веяло не человеком.

– Маша убила себя. В состоянии аффекта. Когда узнала, что муж погиб на фронте. Говорит, сильно любила, – Ви цедил рубленными фразами. Каждая из них была меня по темечку. – Жизни без него себе не представляла. Оставила двоих детей на произвол судьбы. Круглых сирот, по сути. Старая бабка все жилы из себя вытянула, пока подняла их.

– Мария до сих пор не может себя простить, – ахнула я, понимая, какая боль засела в сердце женщины.

– Вот такие грани любви, Маргарита Павловна. Нет Маше покоя и не будет. Пусть лучше здесь, чем...

– Чем в том месте, что уготовано для наложивших на себя руки?

Я ничего не знала о потусторонней судьбе самоубийц, кроме того, что в прежние времена их хоронили за оградкой кладбища. Где же твоя могила, Мария?

Ви поднялся.

– Гость идет. Займись им, – бросил он мне на прощание и покинул помещение.

В дверь позвонили.

Я заполошно подхватилась и понеслась. Мне уже поставили в пример Лидию, ожидая от меня того же качества обслуживания. Но я сама из тех, кто уж если взялся за работу, то сделает ее хорошо.

На пороге стоял серенький человек. Растерянный и поникший. Он ткнул указательным пальцем в мостик очков,

заставляя их вернуться на переносицу, но тяжелая металлическая оправа тут же сползла вниз.

– Здравствуйте! – он шаркнул ножкой, словно вытер ее о коврик, которого не существовало. Я только сейчас обратила внимание, что на каменном пороге вырезаны слова приветствия. – Я туда попал?

Вопрос поставил меня в тупик, но я быстро нашлась.

– Если ищете Последний приют, то да, вы на месте.

Мужчина пригладил тонкие волосы, но вечно дующий здесь ветер незамедлительно поднял их дыбом. Посетитель сделался похожим на взъерошенного воробья.

– Мы рады приветствовать вас, – добавила я и отступила в сторону, чтобы пропустить гостя.

Зайдя за стойку, вывела в журнале регистрации цифру 79, на этот раз более уверенно владея пером, и передала «гроссбух» новому постояльцу.

– Заполните, пожалуйста, графы, – произнесла я, ставя перед ним еще один прибор с чернильницей и ручкой.

– Я почему-то не захватил с собой документы, – похлопывая себя по карманам, промямлил «серый» человек. Я видела его именно таким, серым. То ли мышинный цвет волос настроил так мое восприятие, то ли мятый кургузый пиджачок.

– Мы поверим вам на слово, – с улыбкой успокоила я. – Только, пожалуйста, пишите о себе правду.

Мужчина осторожно обмакнул перо в чернильницу и, снова поправив очки, склонился над книгой.

– Что значит «причина смерти»? – он поднял на меня глаза.

Я оглянулась на лестницу. Ну почему Ви оставил меня одну именно сейчас?

– Каким образом вы покинули этот свет? – мягко спросила я, видя, как дрожит ручка в его пальцах.

– Что значит, я его покинул?

Через мгновение мужчина некрасиво сморщился. Он понял смысл слов и собрался плакать.

– Вы не помните?

– Нет, – он бросил ручку и торопливо снял запотевшие очки. Достав из кармана такой же мятый платок, начал нервно натирать стекла. – Я увидел яркий свет и пошел к нему. Не мог не пойти. Оказалось, это светили автобусные фары. Я сел, и он привез сюда. Водитель сказал, что меня здесь ждут.

– Все верно, мы вас ждали, – я не знала, что делать. Как регистрировать душу, которая не помнит факт смерти? – Вы только, пожалуйста, не волнуйтесь. Можете сесть на диван и выпить воды, – я заметила, что на одном из столиков стоит графин и пара стаканов. – Мы позже все запишем, когда... вы придете в себя.

– Да-да, – он огляделся и направился туда, куда я указала рукой.

Ви, где же ты?

Мне ничего не оставалось делать, как наблюдать за новым постояльцем. Он глотнул воды и, продолжая держать в ру-

ках стакан, опустился в кресло. Обвел растерянным взглядом помещение.

– Это отель?

– Да, гостиница «Последний приют».

– Хорошо, – произнес человек и потянулся к столу, чтобы поставить стакан.

Его внимание привлекли разбросанные печатные издания. Мужчина выбрал газету и углубился в чтение.

– Тут обо мне, – он поднял на меня растерянный взгляд. – И фото есть. Вот. «Гражданин Самарцев С. похитил дневную выручку мебельного кооператива и скрылся в неизвестном направлении». А что мне было делать, если Лилечке срочно требовались лекарства?

– Лилечка ваша дочь? – я подошла ближе и взглянула на фото мужчины в разделе «Разыскивается». А потом и на дату выпуска газеты. Девяностые.

– Нет, младшая сестра. Денег нет, а лекарство дорогое. И в аптеке не купишь. Надобно с рук.

Рот мужчины неожиданно раскрылся в изумлении.

– Я вспомнил, – прошептал он. – Меня столкнули с лестничного проема какого-то заброшенного дома, куда завели якобы за лекарством.

Самарцев потрогал затылок и посмотрел на пальцы. Крови не было. Но я уже и без него знала, что ничего колотого, резанного или рубленного не увижу. Дом бережет психику своего администратора.

Гость опять потянулся за стаканом. Пил неаккуратно, вода стекала по подбородку на воротник и съехавший набок галстук.

– Вы готовы зарегистрироваться? – напомнила я через некоторое время, когда мужчина вышел из оцепенения.

– Да-да, – сказал он и направился к стойке. Обмакнул перо в чернильницу. – Вы не знаете, что стало с моей Лилечкой? Она выздоровела? О ней позаботились?

– Нет, простите, – я покачала головой.

– А кто может мне ответить? – Степан недоуменно посмотрел на меня. Я прочла его имя – «воробышек» успел его вписать в журнал. Как и дату своей смерти.

– Мы все выясним и позаботимся о вас, – Ви вырос за спиной Самарцева. Его ладони легли на плечи новенького. Я выдохнула с облегчением.

– А о сестре? – Степан уже не выглядел таким потерянным. – Мне обязательно нужно объяснить ей, почему я не пришел. Как вы думаете, она... жива?

– Жива, – глаза байкера лучились добром.

– А можно мне увидеть ее? – Степан положил ручку и вытер вспотевшие ладони о брюки. – Перед тем, как... покину этот мир? Я ведь знаю уже, что умер. Но я не могу уйти, пока не поговорю с Лилечкой. Душа не на месте, понимаете?

– Понимаем, – кивнула я.

– Ох уж эти грани любви, – шепнул мне Ви, обнимая воробышка.

После того, как лупа подтвердила правдивость слов Степана, Ви увел его к лестнице.

«Я простодыра, – было написано в графе «Причина смерти». – Меня всегда было легко обмануть. И на этот раз я доверился не тем. Я неудачник и вор. Я не только совершил преступление, но и не помог сестре. Мне нет прощения».

Я захлопнула журнал, вышла из-за стойки и в изнеможении опустилась на один из диванов. На сердце лежал камень. Мне самой сейчас срочно требовался Ви. Если я буду так близко принимать беды постояльцев, то не доживу и до конца временной подработки.

Голос Марии я услышала еще до того, как она появилась на пороге. Она пела. Что-то похожее на деревенские страдания, когда как-то по-особенному тянутся гласные.

– Мой миленок не прише-о-о-о-л...

Растрепавшиеся косы, в руках красивый венок из крупных розовых цветов, похожих на розы. «Пионы», – догадалась я.

Увидев меня, повариха поменяла песню на задорную. Подошла ко мне, разведя руки и притопывая ногами.

– У ха-ха, у ха-ха,

Чем я, девочка, плоха,

На мне юбка новая,

Сама я чернобровая!

Венок оказался на моей голове. Запахло летом и свежестью.

– Ох, до чего ж ты красивая, Шапочка! – Мария наклонилась и крепко обняла меня. – Кому же ты такая достанешься? Ви, я вижу, глаз на тебя положил...

– Да что вы все время меня кому-то сватаете? – возмутилась я, выбираясь из кольца ее рук.

– Так срок любви пришел, – пропела она. И понизив голос, добавила. – От нее не уйти.

– Как на кладбище? – попыталась я увести разговор в сторону. – Все спокойненько?

– Благостно, – Мария вздохнула и села рядом. – Там, дальше, есть грот. Местами совсем разрушенный. Но я хожу в него. Трогаю скульптуры, рассматриваю их. Чудные! И все печальные. Сходим как-нибудь вместе?

– Обязательно, – я потрогала венки на голове, но Маша остановила меня, не разрешила снять.

– Брошка Лидии, – она ткнула пальцем в приколотую к свитеру вещицу.

– Теперь моя, – я мягко улыбнулась поварихе. Здесь, вне кухни, без фартука и косынки, она казалась такой молодой. Живой. – Вы случайно не знаете, почему администратор должен носить ее?

Я сделала вид, что мне не объяснили значения броши. Хотела проверить слова Ви и Лидии. Поймала же я несоответствие объяснений фактам.

– Это чтобы ты не убежала.

Простодушие – главная черта стряпухи, это я уже поняла.

– Они не отпустят меня? – я уже представила, что бегу по лесу, но вдруг натыкаюсь на стеклянную стену, не позволяющую выбраться дальше автобусной остановки. Или за мной гонится толпа привидений и возвращает в дом под белы ручки.

– Нет, – Мария взялась переплетать косу. – Они будут знать, где ты находишься. Всегда будут знать. Куда бы ты ни спряталась.

– Понятно, – я вздохнула. Вот так новость! Выходит, на меня насадили «жучок»? Следить, значит, будут? – Еще я хотела бы понять, почему не сразу увидела всех обитателей дома, а только после того, как на меня надели брошь? Я запомнила вас, Мария, вы стояла совсем близко к стойке администратора.

– Я подслушивала, – хихикнула повариха. Ее щечки залились румянцем.

– Ну так почему я не видела всех вас с самого начала?

– Просто дом к тебе присматривался. А когда новая хозяйка пришлась ему по душе, показал своих обитателей, – Маша ловко заколола косу на затылке. Сняв с шеи платок, встряхнула его и повязала на голове. – Как говорят господа, он сам понимает, когда новый работник готов принять его естество. А еще говорят, хозяйка и Ви вдыхают в него жизнь. Без вас дом начинает хиреть, а мы болеть. Потому-то вам нельзя надолго из него отлучаться.

Ах, так из дома отлучаться все-таки можно, главное, во-

время вернуться! Я едва не подпрыгнула на диване от негодования. Ох уж этот Ви! Пусть он не врет, но основательно не договаривает. Упомянул, что дом живой, но не рассказал, что разумный.

Я осторожно огляделась.

– Теперь буду чувствовать себя не в своей тарелке. Жучок на кофте, следящий дом. Как жить под постоянным наблюдением? Только не говорите, что я со временем привыкну. Уже наслышана.

– Давай, Шапочка, на «ты». Непривычная я, чтобы барышни мне выкали. Да и годами мы недалеко друг от друга ушли. Я всего-то на сто лет тебя старше. А вопросы «как да почему» не задавай. Все пустое. Главное, что ты жива.

– Нет, я все-таки спрошу. Еще один вопрос. Чтобы я мертвую Лидию с порога увидела, тоже дом захотел? Одних он показывает, а других нет? А вдруг сейчас рядом со мной еще кто-то стоит, а я ни сном, ни духом? – я боязливо обернулась.

Мария рассмеялась.

– Нет здесь больше никого. Только Ви на лестнице застыл.

– Подслушивает?! – я вскочила с места.

– Нет. В раздумьях, – успокоила меня повариха. Я выдохнула и села назад. – А вот про Лидию я тебе так скажу. Она думала, что жива, пока Ви не поцеловал ее в лоб. Она была как тот солдат, которого смертельно ранили, но он продолжал бежать в атаку, не зная, что ему пришел конец. Я сама такое видела, когда попросила Радиса показать, как погиб

мой Вася.

История мужа Марии натолкнула меня на мысль, что я тоже смогу выяснить, как умерла моя мама. В ее смерти я была уверена, иначе она обязательно вернулась бы за мной.

Глава 6

Повариха оказалась весьма ценным кадром. Она многое знала и могла объяснить. Поэтому я вновь вернулась к вопросу о Лидии. Момент поцелуя старушки намертво запечатлелся в моей памяти. Я тогда впервые поняла, что байкер не человек. И Лидия после его объятий слишком резко изменилась. Ее губы побелели, а очки, с которыми она не расставалась, сделались ненужными. Она даже не стала собирать растрепавшиеся волосы, хотя до этого тщательно прихорашивалась и красила губы.

– А как с помощью Ви можно узнать, умер ты или нет? Нет, с ним самим все понятно, а вот как догадалась Лидия?

– Поцелуй Ви живых опалает жаром, а мертвые ничего не чувствуют, – повариха нашла пятно от травы на юбке и поскребла его ногтем. – Лидия сразу смекнула, что жизни в ней больше нет. Я как-то рассказывала ей, что можно по поцелую Ви узнать, на том ты свете или еще на этом.

– А тебе откуда известно? – я сощурила глаза. Ох уж этот Ви. Понятно, почему ему не нужна женщина. Он поцелуями недостающие эмоции добирает. – Тоже рыжий детина целовал?

– Нет, зачем? – пожалала плечами Мария. – Я мертвая уже давно. Просто видела, как удивилась женщина, которая совсем недавно была живой. Она спросила Ви, почему его по-

целуи ее больше не греют, а он заплакал... – повариха перестала тереть пятно и скосила на меня глаза. Она явно прикусила себе язык, потому как вдруг засобиралась. – Ой, что-то засиделись мы, а мне пора!

– Постой, мы еще не договорили. Что за женщина? – я поймала Машу за руку, чтобы вернуть, но та вытащила пальцы из моего захвата.

– Не могу, Шапочка, работы много. Скоро братья заявятся, а у меня ничего не приготовлено.

И убежала.

Я осталась на месте. Мне было о чем подумать.

В этом доме умер администратор. Это очевидно. Кто еще мог чувствовать горячие поцелуи Ви, а потом обнаружить, что они сделались холодными? Только живой человек. А кроме Ви и администратора живых в доме никого нет. И Маша сорвалась слишком уж поспешно.

Додумать до конца важную мысль мне не дали, на лестнице послышались шаги. Чтобы занять себя, я зашла за стойку. Убрала чернильницу на место и спрятала в ящик стола журнал регистрации.

Появившийся Ви, как и говорила повариха, пребывал в глубокой задумчивости. Вот еще одна странная особенность Марии – она знала, что делает здоровяк, хотя тот не находился в поле зрения. Неужели призраки могут видеть через стены?

– Как несчастный Самарцев? – поинтересовалась я. –

Успокоился?

– Он нарушил десятую заповедь «Не пожелай ничего чужого», и стремление помочь сестре никак его не оправдывает, – Ви, так и не взглянув на меня, постучал по стойке пальцами. Недовольно. – Покой не то, что будет ему даровано. А вот сестру жалко.

– Но вы найдете способ уладить его проблему? Ты же обещал, что позаботишься о нем.

– Мы заботимся о каждой неприкаянной душе. Они не должны бродить среди людей. Как только оборвутся нити, удерживающие призрака на Земле, он отправится дальше.

– В Рай или Ад?

– Как решит суд, – коротко ответил Ви. Он не был в настроении объяснять.

Я вышла из-за стойки и встала рядом с ним.

– Поцелуй меня, пожалуйста, – потрепала я его за рукав.

Я хотела на себе испытать действие поцелуя Ви. Хоть и была уверена, что жива (о чем твердили все вокруг), но червь сомнения все же точил меня изнутри. Я должна была увериться.

Ви нахмурился и, повернувшись, взглянул, наконец, на меня. Я видела, как его брови взлетели вверх, но вовсе не потому, что я удивила своим вопросом. Он с жадностью и необъяснимой нежностью разглядывал меня.

– Ты невероятно красивая, – выдохнул он и притянул к себе. Так быстро, что я не успела объяснить, почему хочу по-

целуя в лоб. Я получила то, что просила, и поняла, что жива. Ох как жива. Его поцелуй в губы был горячим. Жар разлился по моему телу и вызвал острое желание жить, любить и рожать детей.

Особенно любить. Я вцепилась в Ви, запустила пальцы в его волосы, принуждая не обрывать поцелуй. Лишь когда начала задыхаться, позволила себе оторваться от его губ.

– Что мы творим? – прошептала я, плаваясь от близости горячего мужского тела и ощущения всепоглощающего счастья.

– Это все пионы, – улыбнулся мне Ви.

– Пионы? – не поняла я, и непроизвольно облизала губы. Новый жаркий поцелуй заставил бесстыдно обхватить ногами бедра Ви. Я чувствовала его напряжение, и оно мне понравилось. Я хотела, чтобы меня раздели здесь и сейчас, я жаждала, чтобы меня довели до безумия. Я была на грани этого безумия. Нельзя целовать Ви. Нельзя, если хочешь остаться самой собой, а не превратиться в одержимую сексом распутницу. Ви – это чистый секс.

– У тебя на голове венок из пионов. Это мои любимые цветы, – Ви говорил мне в губы. – Ты безумно красива сейчас.

– Я просто безумна, – я потянулась за новым поцелуем, но Ви нежно отстранил меня от себя и пересадил на стойку.

– Мы сейчас оба безумны, – он стащил с моей головы венок и поднес к лицу. Закрыв глаза, вдохнул аромат цветов. –

Гвоздика, мед, жасмин, сирень и даже лимон, – прошептал он. – В них вся ты...

Я сердцем почувствовала, что эти слова говорились не мне. Ви сейчас был с другой женщиной. Может быть, с той самой, чей поцелуй однажды сделался холодным.

– Ви, посмотри на меня, – попросила я, прикасаясь к его плечу. Я еще не остыла, но понимала, что продолжения не будет. Своей просьбой поцеловать я разбудила вулкан, который молчал долгие годы.

Байкер поднял на меня больные глаза.

– Прости, Шапочка, но мы не должны, – он отбросил венок в сторону. Тот со стойки скатился на пол. – Ни к чему хорошему это не приведет.

– Я понимаю, – кивнула я. – Помоги слезть, здесь высоко.

Ви подхватил меня под мышки и легко опустил на пол.

– Откуда у тебя пионы? – спросил он. – Они цветут весной, а сейчас за окном август.

– Мария принесла, – я поправила задравшийся свитер. Проверила, на месте ли брошка. – Ви, скажи, как такое может быть? Почему пионы распустились в конце лета? Здесь какое-то аномальное место?

Конечно же, место было аномальным, я даже не сомневалась, но хотелось подробностей. Сразу вспомнился цветущий сад в сказке «Снежная королева». Герда, попав к волшебнице, очнулась только тогда, когда за забором наступила зима.

– Время, – Ви растянул на пальцах резинку и связал непокорные кудри в небрежный пучок. – Здесь для каждого оно течет по-своему. У нас с тобой лето, а у Марии весна.

Он прятал глаза.

– Какое сегодня число там, в моем мире? – меня кольнуло плохое предчувствие. Если для каждого время течет по-разному, значит, и у меня с ним свой счет.

– Для Марии или для тебя? – не сразу понял Ви. – Для души числа нет.

– Для меня, конечно.

– Уже четвертое августа.

– Я не сплю четыре дня?! – невероятное известие ментально отрезвило меня. Я забежала за стойку и схватила упавший венок. С пионами еще не все ясно, они нужны мне в качестве доказательства, когда я буду пытаться Марию.

– Ты куда? – встревоженно спросил Ви, когда я потрусила к лестнице.

– Пойду посплю, – бросила я, прежде чем исчезнуть за поворотом. Чертов дом. Совсем заморочил голову. Как тут уследить за временем?

Еще один сюрприз ждал меня в комнате.

Она имела обжитой вид. Мои вещи были разложены по полкам, занавески утратили унылый вид, а на столе стояла ваза с розами. Моими любимыми цветами. Их аромат пьянил. Кто же здесь хозяйничал без меня?

Я кинулась к чемодану и, убедившись, что неизвестный

доброхот не тронул документы, достала из потайного отделения рамочку с фотографией мамы. Я дорожила единственным снимком, оставшимся у меня после ее ухода. Отец остальные порезал и спалил.

«Ты не нужна ей! – кричал он мне, когда я пыталась вырвать из его рук уцелевшие фотографии. Тогда он впервые напился, как свинья. – Я тоже не нужен. У нее теперь другой муж и будут другие дети». Я ему не поверила. Мама не могла. Она любила меня.

Погладив улыбающееся лицо мамы, сунула портрет в ящик прикроватной тумбочки. Для себя решила, что запрещу кому-либо входить в мою комнату. У меня должно быть личное пространство. Я сама буду наводить здесь уют.

Хотя следовало воздать должное, неизвестный помощник угадал с цветом занавесок. Я ненавижу темные шторы наподобие тех, что висели у Лидии, или занавески в легкомысленный цветочек, какие видела в едальне Марии. Мне по нраву легкие, чисто белые, чтобы комната смотрелась светлой. Я открыла балконную дверь и впустила прохладный воздух.

Быстро раздевшись и приняв душ (это после четырех-то дней пребывания неизвестно где), переоделась в пижаму и забралась под одеяло. Хорошо было бы поставить будильник, чтобы не проспать до сорока лет, но мой телефон по-прежнему показывал 0:00.

– Спящая красавица, просни-и-ись.

Я открыла глаза. На моей постели сидел улыбающийся байкер. Он сменил рубашку и причесался. Кажется, даже побрился. Я протерла глаза.

– Сколько я проспала?

– Три дня.

И почему меня это известие нисколько не удивило?

– Итого прошла неделя, – я чувствовала себя бодрой, но голодной, о чем тут же сообщила. – Есть хочу.

Если так пойдет дальше, то скоро моя временная подработка закончится.

Ви поднялся.

– Спускайся, мы тебя ждем.

– Кто мы?

– Новые гости. Думаешь, кто-то вместо тебя будет работать за стойкой? Не выйдет. Марш вниз. Хватит того, что я все три дня дежурил у двери.

Заботливая Мария накормила меня. Я только открывала рот, чтобы поговорить с ней о пионах, вид которых так взволновал Ви, что едва не превратил нас в любовников, но повариха ловко избегала расспросов.

– А вот еще попробуй расстегайчика с зайчатиной. Сама силки в лесу ставила. Ешь-ешь, потом поговорим. Тебя люди заждались. Им тоже с местом нужно определиться.

М-да, плохой я администратор.

Очередь состояла всего из двух душ. Интересно, и кому Ви три дня открывал двери?

Записывая очередные номера, я поклялась себе, что больше не буду читать писанину израненных судьбой людей. Так можно раньше времени поседеть. Обращаться за «успокоительным» к Ви тоже не хотелось. Однажды попробовав его горячий поцелуй, я боялась подсесть на иглу удовольствия. Да, я сделалась чувственным наркоманом, и мои мысли все время возвращались к нему. Байкер тоже старался рядом не крутиться, но хочешь-не хочешь, мы с ним сталкивались. Я хоть и отводила глаза, но успела еще не раз оценить его мужественный вид, красивые губы и крепкий зад.

– Признавайся, где взяла пионы, и как они связаны с Ви? – дня через два я все-таки приперла Марию к стенке.

Она изъявила желание сходить на могилку Лидии, но в моей власти было открывать или закрывать двери. Пущать или не пущать, как сказала бы повариха.

– О чем ты? – Маша вытаращила глаза, но вспыхнувшие ярко веснушки выдали ее. – Какие такие пионы?

Я подвела Марию к стойке и, выдвинув нижний ящик стола, куда перенесла венок, потрясла увядшими цветами перед конопатым носом.

– Ах, эти, – она отвела глаза в сторону. – В гроте нашла. Сама удивилась, что цветут. Никогда не цвели, и на тебе. А о Ви знать ничего не знаю!

Повариха плотно сжала губы.

– Врешь! Знаешь! – продолжала напирать я, чутко уловив, что вопреки словам Ви, у поварихи тоже лето. – Поэтому и

подстроила все!

– Что я подстроила? – глаза Марии сделались лисьими. – Что-то было между вами, да? Целовались? Или большее допустили? Сладко было с Ви? Признавайся!

Я задыхнулась от такой наглости. Подстроила каверзу, а теперь жаждет подробностей.

– Маша, прекрати! Еще услышит кто и подумает невесть что.

Но повариху невозможно было остановить.

– То-то, я погляжу, не смотрите друг на друга, отворачиваетесь. А у тебя так и вовсе щеки пылать начинают, стоит Ви появиться.

– Все, иди на могилку своей подруги, – я направилась к двери и повернула ключ в замке. – Не могу больше с тобой в эти дурацкие игры играть.

– Да мы вроде только начали? – она проплыла мимо меня с хитрой улыбкой.

Я скрипнула зубами. Сводница.

Со стороны лестницы послышался грохот. Бежал кто-то большой и тяжелый. Я ни минуты не сомневалась, кто это.

– Цирк возвращается, – радостно возвестил появившийся Ви.

– Какой еще цирк? – я едва успела поймать упавшую челюсть. Что за ерунда здесь творится?

– Цирк братьев Кристофер!

Мы вместе вылетели на улицу. Откуда-то со стороны леса,

но не с той тропки, откуда я пришла, а от границы с холмами, появилась вереница крытых фур. По мере приближения машин на каждой из них я разглядела яркую рекламу. Надо же! А я не поверила Ви. К нам на самом деле приехал «Цирк братьев Кристофер».

– А где сами братья? – я вытянула шею, пытаюсь рассмотреть среди муравейника вывалившихся из автомобилей людей тех самых долгожданных хозяев гостиницы.

Подскочившая к Ви девица в трико с блестками повисла на его могучей шее. Услышав мой вопрос, она повернула ко мне размалеванное гримом личико.

– Чтобы Кристоферы да в автобусе с остальными?

– Вы одни, что ли, приехали? – Ви тоже не видел братьев. В его голос слышалось беспокойство.

– Нас Дисе всю дорогу сопровождал. А Кристоферы в городе остались. У них новая интрижка, – она широко улыбнулась.

– Зачем ты разрушаешь светлый образ Радиса? – покосившись на меня, мягко пожурил девушку Ви.

– А Фер тебя не беспокоит? – гимнастка хитро сощурила глаза. – Или ему всё можно? На темном пятен не видать?

Я поджала губы. Все понятно. Светлый и темный пошли по бабам.

Гимнастка рассмеялась и, расцеловав Ви в обе щеки, отчего на них остался след от помады, побежала к своим.

– Все они живут в доме? – я оглядела толпу, разгружаю-

щую автомобили. Человек пятьдесят, не меньше.

– Нет, – Ви тер пальцами следы поцелуев. – Они живут при цирке. Когда расправят шатры, сходим к ним в гости.

– Скажи, циркачи живые или мертвые?

– Здесь живых нет, – Ви посмотрел на меня, как на дурочку. – Говорил же, дому живым нужен только администратор.

– А как же они выступают? Ведь простому человеку циркачей не увидеть? Или вы всем раздаете что-то вроде Ока? – я поправила съехавшую с плеча лямку. Сегодня я была в летнем сарафане – легком, ситцевом. Из-за брошки ткань постоянно перекашивало, и я только и успевала вернуть лямку на место.

– Цирк шапито – часть дома. Вне него циркачей видно не будет, поэтому в городе они не покидают шатры.

– М-м-м, понятно, – я не стала задавать вопрос, почему я вижу циркачей на поляне, видимо, она, как и часть леса до остановки, входит во владения братьев Кристофер. – А почему именно цирк? Вроде у вас серьезная контора: Рай, Ад и все такое, и вдруг легкомысленный балаган.

– Нашим постояльцам не хватает радости и впечатлений. А цирк им ее дарит. Сидеть в доме и ждать своего часа тоскливо даже душам.

– А так на людей посмотрят и себя покажут? А еще денежку заработают.

Ви кивнул.

– Что-то вроде того.

Все его внимание было сосредоточено на человеке в цилиндре и черном смокинге, быстрым шагом приближающемся к нам. Он радушно улыбался Ви и даже распростер объятия, чтобы поприветствовать друга.

– Оу, – завидев меня, мягко произнес незнакомец, оказавшийся вблизи довольно костлявым и низкорослым. Его темные глаза ощупали меня с ног до головы. Я заподозрила, что пристрастие незнакомца к высоким головным уборам вполне объяснимо – цилиндр компенсировал коротышке как минимум двадцать сантиметров роста. – У нас новый администратор?

– Познакомься, Дисе. Это Красная шапочка.

– Привет, Красная шапочка, – он приподнял головной убор, после чего наклонился к моей руке для поцелуя. Я беспомощно обернулась на Ви. У меня почему-то тревожно сжалось сердце, но рыжий верзила продолжал смотреть на действия Дисе спокойно. – В таком случае, я – Черный цилиндр.

Я пережила его поцелуй только потому, что он так и не дотронулся губами до моей ладони.

– Очень приятно, – пробормотала я. – Я Маргарита Павловна. Ви шутит, называя меня Красной шапочкой.

– Она заявила к нам в дурацкой красной шляпе, – пояснил Ви. Я зыркнула на него злым взглядом. Я потом посчитаюсь с ним за оскорбление. Остолоп.

Дисе же расхохотался.

– Очень приятно, что вам приятно, – и уже обращаясь к рыжему верзиле, которому был чуть ли не по пояс: – Она еще не знает обо мне?

Ви помотал головой.

Глава 7

В присутствии коротышки мне почему-то не захотелось допытываться, что мне следует знать о нем. Спрошу у Марии. Она должна мне за подставу с пионами.

– Почему братья остались в городе? – рыжий тоже мастер уводить разговоры в сторону.

– Если бы они знали, – улыбка Черного цилиндра вызвала озноб, – что их ждет такая Ш-ш-шапочка, были бы уже здесь.

Я скривила лицо. Что за шипение?

– Извините, я пойду. У меня работа, – сделав неловкий книксен, я вернулась в дом.

Заглянула в ресторан, но Мария так яростно гремела кастрюлями, что я не решилась ее беспокоить. Постояльцы тоже не толклись в холле, были заняты делом, поскольку все, как один, высыпали на улицу. Цирк – это зрелище, даже если он в разобранном состоянии. Со стороны леса донесся трубный рев слона. Ему ответил рык кого-то из семейства крупных кошачьих.

Интересно, а звери настоящие или тоже из призраков? В любом случае, я не побегу их смотреть. Если решусь, то только в сопровождении Марии или Ви.

Не зная, чем себя занять, я зашла за стойку и опустилась в кресло. Журнал регистрации листать было лень. Сегодня выдался солнечный день и погружаться во мрак историй –

просто преступление. Талантами рисовать, петь или танцевать я не обладала, поэтому нашла более полезный способ убить время: чуть покрутившись в кресле, пододвинула к себе грессбух и положила на него голову. Здесь на три дня заснуть не дадут, обязательно кто-нибудь дернет, поэтому смело закрыла глаза.

Мне снилось поле, покрытое маками. Крупными, кроваво-красными, с волнистыми лепестками, на мохнатой поверхности которых застыли капли росы. Воздух был наполнен ароматами луговых трав. Умиротворяюще жужжали пчелы. Я шла, осторожно раздвигая цветы, чтобы не повредить их.

– Маргоша-а-а!

Я подняла голову и увидела женский силуэт. Солнце слепило глаза, но я все равно узнала маму.

– Девочка моя, иди сюда, – весело крикнула она и протянула руки.

– Мама-а-а-а!

Я полетела вперед, уже не обращая внимание на прекрасные маки, которые, не желая того, сминала. Мама смеялась. Засмеялась и я. Счастье переполняло меня.

Жаль, я не увидела, чем закончился чудесный сон. Я внутренним чутьем ощутила, что на меня, спящую, кто-то смотрит.

– Ты на самом деле красивая. Дисе не соврал, – человек в белом стоял на той стороне административной стойки. Он

чуть ли не грудью лег на нее, чтобы рассмотреть меня. Когда распрямилась я, распрямился и он.

Я похлопала ресницами, пытаясь окончательно проснуться и понять, кого выпала честь лицезреть.

– Я Радис, – он протянул руку, чтобы я пожалала ее.

Я робко дала свою. Он ее задержал. Я не посчитала вежливым выдираться, поэтому спокойно продолжила рассматривать одного из братьев Кристофер. Мужчина был красив. Белолицый, голубоглазый, светловолосый. Не такого высокого роста, как Ви, но и не из коротышек. От него исходило обаяние. А когда он улыбнулся, так и вовсе меня обдало чувством восторга.

– Ну, началось! – подала голос от двери, ведущей в ресторан, Мария. – Успеете глазки друг другу строить. Идите есть, разогревать больше не стану.

Наши ладони расцепились.

Я быстро поднялась, поправила съехавшую лямку сарафана и направилась к поварихе, которая грозно скручивала полотенце.

Когда мы поравнялись, она кивнула на идущего неспешной походкой Радиса.

– Если бы я понимала время, то сказала бы, что он добрый час пялился на тебя. Я уже второй раз разогреваю.

– Я хотел, чтобы она досмотрела свой сон, – откликнулся Радис. Поравнявшись со мной, он широко улыбнулся. Я перестала дышать. – Понравился?

– Вы? С чего это? – я нахмурилась. Какое, однако, у него самомнение! Хорош собой и ладно скроен, как говорит Мария, но нахал. Разве прилично глазеть на спящего человека?

Радис рассмеялся.

– Не я, сон.

– Умеете вы девок в краску вгонять, – буркнула Мария и, обхватив меня рукой за талию, потащила вперед. Я была ей благодарна, Радису пришлось плестись сзади.

– Второй тоже здесь? – шепнула я, боясь, что Фер уже в ресторане.

– Нет, не прибыл еще. Нам пока и Радиса за глаза хватит. К приезду братьев повариха расстаралась.

– ...кулебяка из двенадцати слоев, солянка боярская, кисель со взбитыми сливками и малиной. Вкусны-ы-ый! – воодушевленно завершила она список из сорока наименований. Я исходила слюной.

– Мы разве все это съедим? – усомнилась я, трогая вручную вышитую кайму скатерти. Мария расстаралась для дорогих гостей. Моя мама тоже красиво вышивала, жаль ничего после нее не осталось.

– Устроим пир цирковым, – Радис снял с тарелки салфетку, свернутую лебедем, и, встряхнув, положил под руку. С настроением осмотрел выстроившиеся перед ним блюда, и подцепил серебряной вилкой соленый грибок. Сунув в рот, закатил глаза. – Сколько живу, ничего вкуснее стряпни Марии не ел.

– Эксплуататоры, – прошептала я, заметив, с каким обожанием повариха смотрит на ангелоподобного рабовладельца. Совсем как я. Я не могла отвести от него глаз. Так и хотелось сползти на пол и положить голову ему на колени. И чтобы его длинные пальцы гладил меня, как кошку. Я уверена, я бы мурчала. Магия какая-то! Светловолосый Кристофер буквально купался в лучах солнца, бьющих через окно, и я вдруг разглядела, как необыкновенно он красив. Его кожа светилась и... сладко пахла ванилью. Никакой запах пиროгов не перебил бы этот чудесный аромат.

Чтобы выйти из транса самой и помочь одурманенной Марии, я тряхнула головой и более громко произнесла:

– Узурпаторы душ. Сто лет на кухне без сна и отдыха.

– А когда вы решите мой вопрос? – тут же встрепенулась Маша.

Радис подавился огурчиком и закашлялся. Я виновато сморщила нос. Вечно лезу со своими пятью копейками.

– Что тебя здесь не устраивает? – ангел аккуратно промокнул губы салфеткой.

Вот интересно, как он успокоит Марию без Ви?

– Все устраивает. Но бармен Костик пришел совсем недавно, а вчера, говорят, уже отправился на небеса. Почему не по очереди? – Маше было неловко качать права, я видела это по полотенцу, которое она, нервничая, сминала до побелевших костяшек на пальцах. Еще бы, это все равно, как если бы сенная девка упрекала барина в несправедливости. –

Я первая должна в той очереди стоять, а вы все время меня отодвигаете! Несправедливо!

Я выдохнула. Не я ее подтолкнула к выяснению отношений. Маша узнала от цирковых, что бармен не вернулся, вот и обиделась. Не зря она совсем недавно так зло кастрюлями гремела.

– Понимаешь, Мария, – Радис развернулся к ней всем телом. – Константину было с кем проститься. Поговорив с невестой, он ушел умиротворенный. Ты же до сих пор не назвала, кто смог бы тебя простить.

Мария напрягла лоб. Она силилась, но никак не могла вспомнить имена тех, кто сказал бы ей: «Ступай с Богом». Мать? Сыновья? Нет их давно. Да и вряд ли простили бы неосмотрительный поступок. Горя хлебнули без мамки.

– Что? Опять Мария старую шарманку завела?

В комнате вдруг сделалось сумрачно: затрепетали и погасли свечи на тележном колесе. Солнце, только что светившее ярко, скрылось за тучей. Воздух от напряжения хоть режь ножом. Мария втянула голову в плечи. Я же затаила дыхание.

Его Величество Темный Кристофер пожаловал.

В противовес своему брату, одетый во все черное, он двигался решительно и как-то... неотвратно. Взорвись перед ним граната, он бы, ни на секунду не затормозив, прошел через взрывную волну и пламень. Его длинные волосы бились за плечами темными крыльями. Радис только поднялся, чтобы что-то сказать, а Фер уже нависал над несчастной

стряпухой. Она смотрела на него с ужасом.

– Хочешь узнать, что тебя ждет, когда мы решим твой вопрос? – вкрадчиво спросил он. – Готова прямо сейчас встать в очередь?

Повариха замычала, не в силах произнести ни слова. Резко крутанув Марию, Фер прижал ее спиной к себе, одной рукой удерживая за талию, второй закрывая глаза.

– Брат, не надо, – тихо произнес оказавшийся рядом с ним Радис. Внутренний свет ангела ощутимо померк. Словно его самого, Машу и все предметы вокруг окутала серая дымка. Запахло паленой шерстью. Пламя в очаге, до того горевшее невысокими голубыми лепестками, теперь взвилось вверх и приобрело кроваво-алый цвет.

Маша в голос запричитала. Послышались слова молитвы. Повариха упала бы на пол, я видела, как подогнулись ее ноги, но крепкая хватка темного Кристофера не позволила ей сползти.

– Мне страшно! – выкрикнула стряпуха, дергаясь в руках хозяина. – Страшно-страшно-страшно!

Хлопнула о стену резко распахнувшаяся дверь. В комнату влетел Ви. Он был сейчас не менее суров, чем Фер. Его рот искажала судорога.

– Отпусти ее!

Ви набычился. Он встал так близко к Феру, что толкни любого из них, и их лбы непременно стукнулись бы. Оба высокие, мужчины смотрели глаза в глаза. Только у одного

они были холодными и непроницаемыми, у другого полыхали яростью.

– Она хотела понять, почему мы к ней несправедливы, – спокойно произнес Темный Кристофер. – Это ли не милость, показать ей, от чего мы ее удерживаем?

– Милость? – прошипел Ви. – Разве ты знаешь, что такое милость?

– Не хочу! Больше ничего не хочу! – заплакала Маша. – Я поняла! Я виновата! Кругом виновата!

Но мужчины не слушали ее, продолжали прожигать друг друга взглядами.

– Немедленно прекратите!!! – крикнула я неожиданно для самой себя.

Все обернулись на меня. Даже Маша притихла. Я выбралась из-за стола.

– Неужели не понимаете, что вы мучаете Марию? Ее душа живая! Она добрая, веселая и тянется к свету. Ее нельзя пугать тьмой, – у меня вдруг кончились силы. Запала хватило только на первые фразы. Я махнула рукой и заговорила тише. – Никого нельзя пугать тьмой. Или заберите ее, чтобы уж наверняка, без выхода, или оставьте в покое. Пусть напоминает о себе, ноет и упрекает, пусть лезет с вопросами и разговорами, пусть хоть так, но существует. Терпите или покончите разом. Нельзя отрезать от души по кусочку.

Фер отпустил Машу. Она сползла на пол и уткнулась лицом в полотенце, которое так и продолжала мять в руках. Ви

присел на корточки рядом. Я не видела, обнимал ли он ее или просто шептал слова утешения, все мое внимание было сосредоточено на демоне-блин-Фере.

Его взгляд, направленный на меня, заставил оцепенеть. Фер был красив и ужасен одновременно. Еще не остывший от страшных видений, которые насылал на Марию, он сам выглядел как орудие мести. Один из тех, кто повелевает Адам, и знает, как доставить боль, чтобы человек прочувствовал, насколько был грешен.

Я собрала всю волю в кулак и, чтобы разорвать наше молчаливое противостояние, топнула ногой. Фер моргнул и... поменялся. Он вновь сделался человеком. И я, наконец, смогла разглядеть его настоящего. Или настоящим он был только что? Черные глаза, смуглая кожа, длинные волосы. Не такой гибкий, как его брат, но и не излишне мускулистый, как Ви. Резкий в движениях и словах.

– Кто такая? – спросил Фер.

За меня ответил Радис.

– Наш новый администратор. Маргарита Павловна.

– Почему не старуха? Мы же договаривались? – его взгляд переместился на Ви.

– Временная подработка, – буркнул тот, поднимаясь с Машей на руках. – Ей осталось всего три недели.

Фер кивнул и покинул помещение. Следом за ним вышел Ви.

– Что это было? – я встретилась глазами с Радисом.

– Воспитательный момент, – тот раздраженно бросил салфетку на стол. – Сотый за сто лет. Через пять минут Мария не будет помнить, что видела, но затихнет с претензиями надолго.

– Я по поводу старухи-администратора.

– А, это, – Радис поморщился. – После одного несчастного случая мы договорились не брать молодых.

– Старух не жалко? – я помнила, что один из администраторов умер. Из Светлого Кристофера слова приходилось выдирать клещами.

– Мы отбираем только тех, кто сам просится на тот свет. Устал жить или заболел, – Радису не понравился мой вопрос. И тон, которым я его произнесла. Он явно был расстроен истерикой Марии и противостоянием Фера и Ви, а тут еще я устроила допрос. Продолжать беседу было опасно, могла нарваться на гнев – ангелы тоже умеют гневаться, но я все же спросила.

– А можно о несчастном случае поподробней?

– Вам нечего бояться, – и опять взгляд в упор, чтобы поняла – пора заткнуться. – Подобное больше не повторится. Есть будете?

Я не сразу переключилась с одного на другое, но в итоге помотала головой. Неприятная сцена с Фером и меня лишила аппетита. Не так я представляла встречу с Кристоферами.

– Тогда помогите убрать посуду, – Радис потянулся за моей тарелкой. – Мария не скоро спустится.

– Ваш брат не будет ужинать?

– Теперь нет. После открытия окна в Ад мы все сыты.

Светлый Кристофер помог собрать и перенести грязную посуду к раковине, а я быстро перемыла ее.

– Я позову цирковых, пусть унесут еду к себе, – он кивнул на все еще накрытый стол.

– Не хотите о трагедии с администратором, расскажите тогда, что произошло с Константином, – я задержала Радиса, когда он собирался смыться. Маша не скоро появится, Ви не в настроении, о Фере вообще молчу, а других, кто может быть в курсе, я не знала. Не к Дисе же обращаться?

Ангел-ах-Радис вздохнул.

– А бармен вас почему волнует? Вы, кажется, даже не были знакомы?

Я смутилась.

– В моем номере нет холодильника, а я очень люблю мороженое. Лидия пообещала, что его приготовит Константин. А теперь нет ни бармена, ни холодильника, ни магазинов рядом, чтобы купить простое эскимо. Один цирк.

– Вам здесь страшно и одиноко, – Радис не спросил, а выдал как утверждение. – Вы всегда едите мороженое, когда вам не по себе?

– Да, – я кивнула. – Особенно когда отец пьян, и домой идти страшно. Мороженое для меня как Ви для потерянных душ.

– Я понял, – кивнул ангел.

– И не надо со мной на «вы». Я, наверное, на тысячу лет младше вас.

Радис улыбнулся.

– Если тебе все еще интересно, то с Константином у нас получилось уладить проблему с первого раза. Он попросился с бывшей невестой и успокоился.

– Я уже знаю, что они поговорили, иначе он был бы здесь. Мне непонятно, как вы устраиваете встречу мертвого с живым.

– Хочешь, я однажды возьму тебя с собой? – неожиданно предложил Радис. – Увидишь все своими глазами.

– Только при условии, что я буду живой и поездка случится до первого сентября. Кстати, с кем я могу поговорить по поводу контракта? Я свой не читала и не подписывала.

– Выйдем на воздух, – Радис кивнул на дверь. – Здесь все еще неприятно пахнет.

Я вытерла руки о полотенце и поспешила за ангелом.

Знакомая девушка в трико с блесками болталась у стойки. На столе лежал раскрытый журнал, и она водила по записям ноготком.

– Я просто посмотрела, кто прибыл из новеньких, – оправдала она свое любопытство.

Я быстро захлопнула книгу и спрятала в стол, наградив при этом гимнастку строгим взглядом.

Радис не стал награждать меня таким же, я и без того чувствовала себя растяпой, оставившей важную вещь на виду.

Но это он виноват! Кто смотрел на меня спящую, кто, размлевшую от сна, потащил на кухню? Вот и забыла убрать то, что послужило подушкой.

– Позови своих, – ангел был несколько рассеян. Он не смотрел на гимнастку, а о чем-то напряженно думал. – Мария накрыла стол в честь нашего возвращения. Можете забрать еду.

Девушка подпрыгнула от радости, и тут же кинулась за дверь. Пронзительный свист разорвал воздух. Со стороны площадки, где разворачивались шатры, к ней кинулось несколько человек. Меня же, как и ожидалось, потащили на кладбище. Видимо, оно здесь самое спокойное место для серьезных разговоров.

– У тебя договор с собой? – Радис заложил руки за спину. Мы шли по центральной аллее, дальний конец которой упирался в холмы.

– Нет, квартирная хозяйка вскрыла письмо и порезалась о карточку. Она пыталась смыть кровь, а в итоге смыла текст договора. На обратной стороне карточки ничего невозможно было прочесть.

– Странно, с нашей карточки текст смыть невозможно. У нас серьезная контора.

Я остановилась.

– Выходит, Светлана Сергеевна меня обманула? Подменила карточку? Но я видела ваше приглашение! – я цеплялась за известные мне факты. – Вы обращались ко мне по

имени, и упомянули, что взяли мое резюме в одном из бюро, куда я обращалась.

– Вот как? – светлый Кристофер тоже остановился.

– Все ложь?! Она сама написала это письмо? – мой голос сел. – Но зачем? Зачем хозяйке так жестоко разыгрывать меня?

Радис пожал плечами.

Глава 8

Я обхватила себя руками. Меня бил озноб. Я вспомнила, как Фер бросил недовольное: «Почему не старуха?». Выходит, здесь ждали Светика-Семицветика, а она отправила меня? Я явилась, сама же назвалась администратором, а Лидия и Ви, видя, что времени нет, спорить не стали. Теперь все вставало на свои места.

– Светлана Сергеевна сделала свой выбор, – Радис пошел дальше по тропинке между надгробиями. Я поневоле поплелась за ним. – Людям, стоящим на распутье, решение порой дается с большим трудом.

Я не вглядывалась в имена и даты на могилах, слишком серьезным оказался разговор.

– Решение? Отправить меня вместо себя? Но это же подло!

– Контракт предлагал ей долгую жизнь, но она предпочла скорую смерть.

– Но я не заметила, чтобы ей что-то угрожало! Да и о какой смерти вы говорите, если старушка затеяла ремонт! – я ничего не понимала. Голова гудела колоколом. Мне бы сейчас в объятия к Ви, чтобы обрести душевное равновесие, но я тут же отогнала эту мысль. Байкер воспользовался ситуацией. Меня здесь быть не должно!

– Насколько меня проинформировали, она недавно полу-

чила результат анализов. У нее рак. Неоперабельный. Жить осталось от силы месяц.

Слова Радиса меня оглушили. Светлана выпроводила меня из дома, чтобы я не видела, как она умирает? Но как же ремонт? Или это очередная ложь? Сказала бы напрямик, что я должна освободить квартиру, я бы собрала чемодан и ушла. К чему все эти выкрутасы?

– Что сделано, то сделано, – Радис сорвал на одной из могил цветок с сильным, но приятным запахом, и протянул мне. – Мы подпишем с тобой новый контракт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.